

© 2010 г. Е.В. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

АСПИРИРОВАННЫЕ И ГЛОТТАЛИЗОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ДИАЛЕКТАХ УДЭГЕЙСКОГО ЯЗЫКА*

В статье рассматриваются гласные сложного образования, выделяющие удэгейский среди других тунгусо-маньчжурских языков. Демонстрируется различная реализация данных гласных в рамках диалектного континуума, образованного диалектами удэгейского и ороцкого языков. Демонстрируются конкретные механизмы образования диалектного континуума с привлечением понятия произносительного стиля речи. Анализируются различные точки зрения на фонологическую природу указанных гласных звуков, показывается неоднозначность фонологической трактовки системы удэгейских гласных; демонстрируется несводимость фонологических систем разных диалектов.

Исключительной сложностью системы гласных отличается удэгейский язык, в котором противопоставляется пять групп гласных: краткие, долгие, прерывные, придыхательные и дифтонги.

Л.Р. Зиндер [Зиндер 1948: 581]

Удэгейский язык занимает особое место в семье тунгусо-маньчжурских языков. Одной из его особенностей являются гласные сложной природы: аспирированные и глоттализованные. Их фонологическая трактовка вызвала немало споров среди лингвистов. Я предлагаю рассмотреть гласные этого типа в различных диалектах удэгейского языка, с учетом стилей произнесения в рамках каждого диалекта, в какой-то мере отказавшись от представления об удэгейском языке как о единой системе.

ДИАЛЕКТЫ В БЕСПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ

Традиционно в работах по диалектологии, в частности, русского языка, диалекты определяются как «территориальные разновидности», см., например [Пожарицкая 2005: 3]. Одновременно используются термины «наречие» и «говор». «На практике “говором” обычно называют речь определенного языкового коллектива (например, говор деревни Веркола или говоры Верхней Пинеги; заонежские говоры и т. п.). Слово ‘диалект’ чаще всего употребляется как альтернатива термину ‘литературная речь’. Говорят ‘диалектное произношение’, ‘диалектное слово’, ‘диалектная форма’» [Пожарицкая 2005: 12].

Возникает вопрос: что такое «диалект» для бесписьменного языка? В этом случае нет противопоставления «диалект – литературная речь», под термином «диалект» может пониматься только «язык определенной территориальной группы». В связи с этим возникает следующий вопрос: язык коллектива какой величины должен приниматься за точку отсчета? Определенные языковые особенности присущи любому коллективу,

* Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ «Типологически редкие и уникальные явления в языках народов России», № 08-04-00167а, и ОИФН «Традиционный нарратив и способы его документации (на материале алтайских языков)».

будь то население области, группы деревень, отдельной деревни, члены одной семьи. Речь каждого конкретного говорящего имеет свои особенности. Не всегда понятно, до какой степени дробности имеет смысл делить территорию распространения идиома и где граница между диалектом и идиолектом¹. При таком подходе единственной реальностью оказываются идиолекты, «языковая система», характерная для конкретного говорящего. С этой точки зрения идеальное описание языка превращается в перечисление идиолектных особенностей². Не спасает и лингвогеография: изоглоссы часто имеют разную конфигурацию и не складываются в «пучки», которые можно было бы считать «диалектом».

Это свидетельствует о том, что лингвистика до сих пор с трудом оперирует переменными. При попытке описать языковую систему исследователь неизбежно вынужден искать инвариант, конструировать «над-систему», и сталкивается с трудностью выбора между сосуществующими формами. Это особенно ярко проявляется при описании бесписьменных языков, не имеющих кодифицированной нормы³.

Разделение пространства языка на наречия, диалекты, поддиалекты, говоры – это попытка справиться с пространственной вариативностью языка.

За термином «диалект» скрываются, следовательно, такие сущности:

- диалект как форма, противопоставленная литературному языку;
- диалект, определяемый географически («сардинский диалект итальянского языка»);
- диалект, определяемый лингвистически («акающий диалект»).

Очевидно, что «диалект» в первом понимании имеет мало общего с двумя другими пониманиями, а вот между географической и лингвистической близостью / дальностью идиомов имеется корреляция. Можно выделить два основных типа такой корреляции: диалектный континуум и диалектный скремблинг.

ТИПЫ ДИАЛЕКТНОГО ПРОСТРАНСТВА

В ситуации отсутствия кодифицированной нормы, и особенно – длительной письменной традиции, т. е. в «естественной» ситуации существования языков, возникает такая картина: различия между вариантами языка любых двух соседствующих групп достаточно невелики; однако по мере увеличения расстояния между группами эти различия накапливаются, так что отличия в языке групп, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, оказываются уже весьма значительными; их идиомы могут практически перестать быть взаимопонятными. Такое положение дел носит название **диалектного континуума**. Одним из первых его описал Гуго Шухардт, наглядно показавший, что между французским и итальянским языком нет границы, если брать не литературные языки, а диалекты [Шухардт 1950].

Диалектный континуум характерен для относительно немобильного населения, преимущественно занимающегося земледелием, контакты которого ограничиваются обычно общением с ближайшими соседями.

¹ Так, М.З. Муслимов, изучающий язык ингерманландских финнов Ленинградской области, выделяет на этой территории 18 диалектов, при этом сам ингерманландский финский также определяется им как «диалект», в противоположность литературному финскому языку. Таким образом, здесь «диалект» (т. е. система, противопоставленная литературному языку) подразделяется на «диалекты», определяемые уже через набор лингвистических черт. При этом многие из выделенных восемнадцати диалектов, согласно мнению данного автора, могут быть поделены на более мелкие «поддиалекты» [Муслимов 2009].

² Ниже будет показано, что идиолект также далеко не однороден.

³ Язык никогда не бывает абсолютно единым [Серебренников 1970: 451]. Полевые лингвисты знают, что проще всего работать с одним информантом, но непонятно, имеет ли лингвист право выдавать это исследование за описание грамматики «такого-то языка». Однако точно так же не ясно, насколько лингвист имеет право выдавать описание кодифицированного нормированного языка за «такой-то язык».

Для лингвиста «идеальный» диалектный континуум представляет сложность прежде всего вследствие необходимости проводить языковые или диалектные границы. Такие решения часто основываются на внелингвистических основаниях: учитываются административные и государственные границы или естественные границы – реки и т. п. В континууме, описанном Шухардтом, граница между «диалектами французского языка» и «диалектами итальянского языка» проходит по государственной границе между Италией и Францией, хотя пограничные диалекты очень близки. При этом литературные языки возникли на основе далеко отстоящих диалектов: литературный итальянский на основе тосканского диалекта, литературный французский на основе языка Иль-де-Франс. Примеры таких континуумных ситуаций можно умножить (русский-белорусский-польский; бамана-манинка и т. д.). В ситуации диалектного континуума диалект или говор часто определяется через пучок изоглосс, но диалектные границы остаются размытыми.

Диалектное пространство оказывается иным в ситуации, когда носители языка интенсивно перемещаются. Происходит постоянное перемешивание населения и взаимодействие близкородственных идиомов. Важные изоглоссы, на основе которых можно было бы разделить диалекты, в этом случае часто располагаются таким образом, что не образуют «пучков». Каждая изоглосса может иметь свою собственную конфигурацию. В типичном случае это происходит с диалектами скотоводческих групп. Территория сезонного перемещения народов, занятых коневодством, – например, некоторых тюркских народов – занимает тысячи квадратных километров. Взаимовлияния близкородственных идиомов приводят к тому, что оказывается достаточно трудным выделить и классифицировать языки и диалекты. Так, ни одна из предложенных классификаций тюркских языков не получила общего признания. Приведу в качестве примера урумский язык, которым несколько лет занимались студенты кафедры общего языкознания СПбГУ. В этом языке выделяется несколько диалектов, которые сочетают в себе огузские и кыпчакские черты⁴ [Гаркавец 1999], при этом есть диалекты огузские, кыпчакские, а также смешанные кыпчакско-огузские (где превалируют кыпчакские черты) и огузско-кыпчакские (где превалируют огузские черты). Все эти варианты являются диалектами одного языка, место которого в классификации тюркских языков не может быть однозначно установлено. Такой тип диалектного пространства можно назвать диалектным скремблингом⁵. Членение такой области на отдельные диалекты также сопряжено со значительными сложностями.

ДИАЛЕКТЫ УДЭГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Удэгейцы – один из самых малочисленных народов России. По данным переписи 2002 года их насчитывалось 1657 человек⁶. Около 20 лет назад А.Е. Кибрик отнес удэгейский язык к «смертельно больным» [Кибрик 2001], с тех пор ситуация значительно ухудшилась. Сегодня по-удэгейски говорят несколько десятков человек в трех поселках, местах компактного проживания этой этнической группы. Ранее удэгейцы, которые вели полукочевой образ жизни, были расселены на достаточно большой территории – с юга на север ее протяженность составляла около тысячи километров. Первые исследователи, географы и этнографы (см., например, [Арсеньев 1947–1949: 81] указывали, что диалектные различия в удэгейском языке очень значительны и что удэгейцы из разных территориальных групп едва понимают друг друга. Современные исследования,

⁴ Кыпчакские языки – наследники языка Золотой Орды (в первую очередь татарский, башкирский, казахский); огузские – языки (турецкий, азербайджанский), на которых говорят потомки тюрков-огузов.

⁵ Скремблинг (англ. *scrambling*) – шифрование путем перестановки и инвертирования участков спектра сигнала или групп символов.

⁶ По этим же данным, из 1657 человек, назвавшихся во время переписи удэгейцами, лишь 4 человека (два в Приморском и два в Хабаровском краях) отрицали знание русского языка.

однако, показывают, что, при всех различиях, диалекты удэгейского языка совершенно взаимопонимаемы, см., например, [Симонов 1988]⁷. Здесь можно впасть и в иную крайность, утверждая, что различия между диалектами незначительны и ими можно пренебречь. В этой связи необходимо отметить, что коммуникация между их носителями вовсе не означает, что системы диалектов тождественны, как показал Питер Традгил на материале английских диалектов [Trudgill 1983: 21–23].

Традиционно диалекты удэгейского языка выделялись на географических основаниях – каждой территориальной группе, кочевавшей в пределах бассейна одной реки, приписывалось наличие своего варианта языка. В данном случае это соответствовало лингвистической действительности, поскольку мобильность людей между разными территориями была значительно ниже, чем внутри одной территории. Вследствие этого в бассейне каждой из рек складывались свои особенности языка. Язык больших территориальных групп, однако, также не был однородным. Так, отдельные удэгейские семьи, жившие в бассейне реки Бикин, занимали конкретные территории, на которых также складывались свои языковые особенности. До сих пор существуют различия в языке тех, кто родился в стойбищах Митазе, Сян, Олон, Улунга, Тохоло и т. д.

В прошлом выделялись следующие диалекты удэгейского языка (см. карту): (1) кур-урмийский, (2) коппинский, (3) самаргинский, (4) анюйский, (5) хунгарийский (по названию реки Хунгари, ныне р. Гур⁸), (6) хорский, (7) бикинский, (8) иманский, (9) приморский. Знаком (10) помечено место проживания тазов (о них – см. ниже). На этой же карте приведены диалекты орочского языка: (а) хадинский (приморский) и (б) тумнинский (основной).

С лингвистической точки зрения диалекты удэгейского языка (а также орочского, о чем ниже) образуют континуум. Из этого можно сделать вывод о том, что удэгейцы, несмотря на то что они не были оседлым народом, а занимались охотой и собирательством, что требовало постоянного перемещения, все же традиционно перемещались лишь внутри определенной, достаточно небольшой территории и сравнительно мало контактировали с соседями.

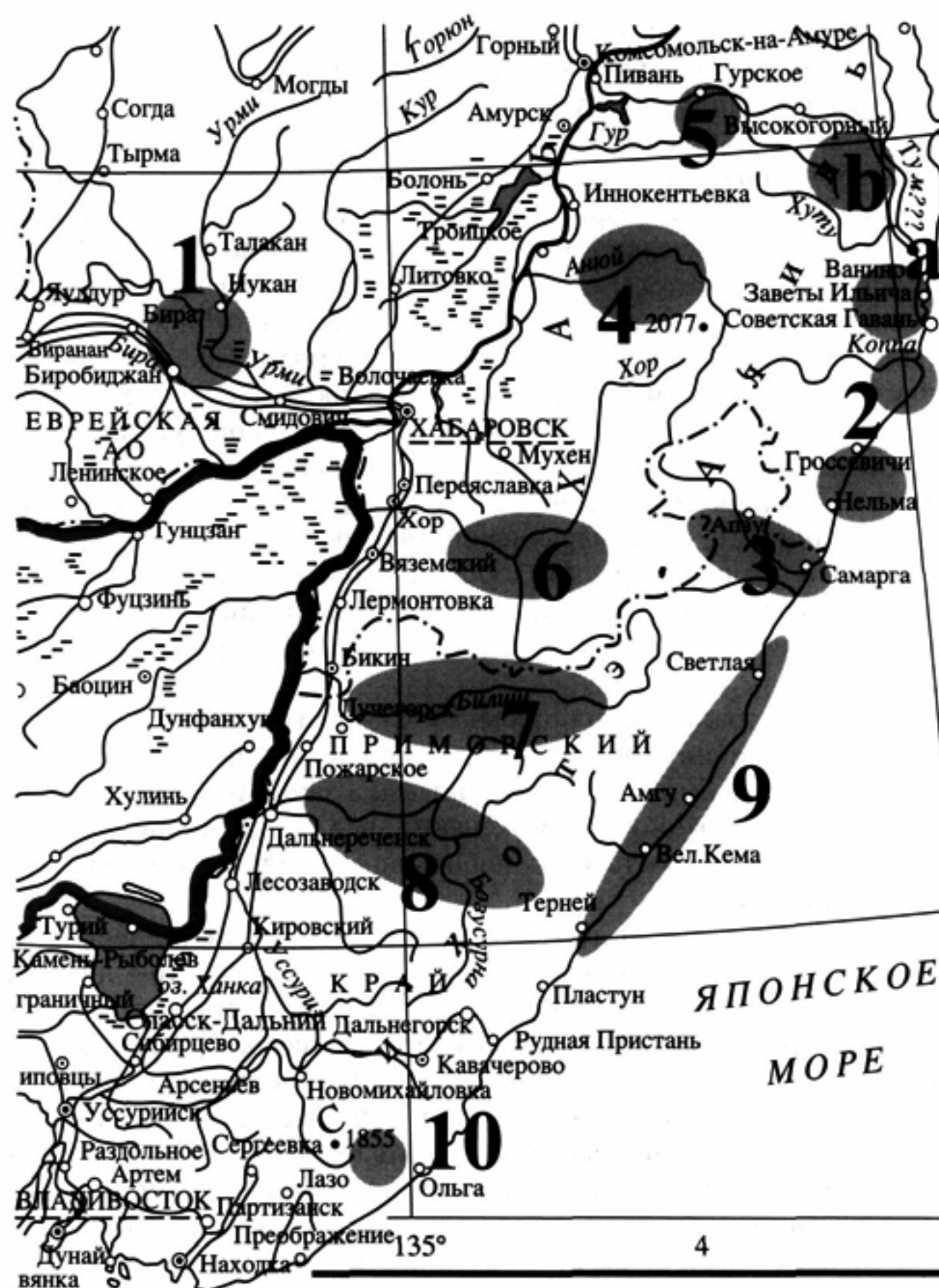
Диалекты удэгейского языка в то же время не являются классическим диалектным континуумом, подобным описанному Г. Шухардом. Данный тип диалектного пространства можно назвать «континуально-дискретным»: диалекты образуют континуум, но каждая традиционная территория четко очерчена географически, нет переходных зон между диалектами. Этому способствует традиционное дискретное расселение удэгейцев. В результате при выделении диалектов удэгейского языка не возникает проблем, подобных имеющимся при изучении «идеального» диалектного континуума.

Континуальный характер диалектного пространства удэгейского языка проявляется в том, что при движении от одного диалекта к другому можно наблюдать постепенную утрату одних языковых черт и появление других. Это «движение» происходит по линии «север – юг». Различия в диалектах касаются всех языковых уровней: фонетики и фонологии, морфологии и лексики, синтаксиса.

К настоящему моменту удэгейский язык считается сравнительно хорошо изученным на синхронном уровне. Однако описаны далеко не все диалекты. Существует краткое грамматическое описание хорского диалекта [Шнейдер 1936]; есть подробная грамматика бикинского диалекта [Nikolaeva, Tolskaya 2001]; составлены словари хорского диалекта [Шнейдер 1936; Симонов, Кялундзюга 1998]; анюйского диалекта [Шнейдер

⁷ В ходе одной из экспедиций я предъявила аудиозапись, сделанную на Имане, анюйской удэгейке в пос. Арсеньево. Никаких трудностей с пониманием ею текста не возникло, хотя она отмечала необычность произношения.

⁸ Многие топонимы Хабаровского и особенно Приморского краев были изменены в начале 1970-х гг. как реакция на пограничный конфликт между СССР и Китаем в 1969 г. В частности, были переименованы многие реки, при этом переименованию подверглись гидронимы не только китайского, но и тунгусо-маньчжурского происхождения. Так, река Иман в настоящее время официально именуется р. Большая Уссурка. В обиходе используются прежние названия.

1937]; бикинского диалекта [Перехвальская, Николаева, Тольская, ркп.]; есть сводный словарь по нескольким диалектам [Кормушин 1998]. Следует учитывать и более ранние лексикографические работы, где была зафиксирована лексика некоторых удэгейских диалектов. Это работы В.П. Маргаритова [Маргаритов 1888], И.П. Надарова [Надаров 1887], П. Протодяконова [Протодяконов 1888], С. Леонтовича [Леонтович 1898], С.Н. Браиловского [Браиловский 1901] и П. Шмидта [Schmidt 1928]. И.П. Надаров собрал список слов у удэгейцев, живших на севере Уссурийского края по р. Чиури. С.Н. Браиловский записал около тысячи слов у удэгейцев, живших по реке Самарга, а также по соседним более мелким рекам, впадающим в океан. Браиловский также составил сводный словарь, где привел параллели записанным им словам из словарей Надарова, Маргаритова, Протодяконова и Леонтовича. В словаре Протодяконова представлены слова, записанные у удэгейцев и орочей, живших по морскому побережью от залива Де-Кастри на севере до залива Ольги на юге. В словарях Леонтовича и Маргаритова

представлены слова только ороцкого языка. Словарные списки Браиловского и Протодяконова, несмотря на несовершенство записи удэгейских слов буквами русского алфавита, оказываются важным источником сведений по приморским диалектам удэгейского языка. Это все материалы по данным диалектам, которыми мы располагаем.

Как следует из данного перечисления, идиомы разных территориальных групп удэгейцев изучены неравномерно. Лексикографически хорошо документированными оказываются только хорский, бикинский и анюйский диалекты, а подробное грамматическое описание имеется только для бикинского. Нет материалов по кур-урмийским⁹ и хунгарийским¹⁰ удэгейцам. Данные по диалекту приморских удэгейцев, живших южнее р. Самарги, ограничиваются списками слов у Браиловского и Протодяконова. Не проводилось систематического изучения языка иманских и коппинских удэгейцев (см. карту).

Помимо того, что диалекты удэгейского языка исследованы неравномерно, они относятся к разным периодам развития языка. Списки слов, собранные Надаровым, Браиловским и Протодяковым, относятся к концу XIX века. Исследование хорского диалекта Е.Р. Шнейдером относится к концу 1920 – началу 1930 г., в те же годы им были записаны тексты и у анюйских удэгейцев. О.П. Суник собирал материалы по удэгейскому языку в 1960-е гг., а И.В. Кормушин работал на Самарге и в других областях проживания удэгейцев в 1970-е гг. Изучение бикинского диалекта началось лишь с 1980-х годов.

Принимая точку зрения о том, что каждый диалект обладает особой языковой системой [Trudgill 1983: 21–23], в частности, фонологической системой, приходится констатировать, что документированы лишь некоторые варианты данного языка.

Я поставила задачей на основе существующих данных предположительно восстановить некоторые черты фонологических систем тех диалектов, которые нам менее известны.

УДЭГЕЙСКИЙ И ОРОЦКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ КОНТИНУУМ

Область распространения диалектов удэгейского языка граничит с областями нанайского, эвенкийского и ороцкого языков. Между удэгейским и нанайским, удэгейским и эвенкийским языками имели место интенсивные контакты. «Островной» кур-урмийский диалект удэгейского языка (на карте – 1) был расположен на территории распространения эвенкийского языка и испытал на себе его значительное влияние. Бикинский диалект удэгейского и бикинский диалект нанайского языков в результате взаимных влияний приобрели большое количество сходных черт [Перехвальская 2001]¹¹.

Несмотря на наличие языковых контактов между удэгейским, с одной стороны, и нанайским и эвенкийским языками, с другой, языковые границы между ними остаются совершенно четкими. И сами носители, и исследователи не испытывают никаких трудностей при отнесении того или иного идиома к диалектам нанайского, эвенкийского или удэгейского языков.

Совершенно иной характер носит соотношение удэгейского и ороцкого языков. Поскольку термины «язык» и «диалект» являются скорее терминами социолингвисти-

⁹ Дважды – в 1990 и 1991 гг. – мы побывали в пос. Кукан, где проживали два последних носителя кур-урмийского диалекта, к сожалению, почти утратившие знание родного языка. У них было записано несколько десятков слов (собраны автором совместно с В.И. Беликовым в 1991 г.).

¹⁰ О.П. Суник некоторое время работал у «северных удэгейцев». Поскольку именно ему принадлежит мнение о близости самаргинского и хунгарийского диалектов, составляющих диалектное единство, можно предположить, что он собирал данные у хунгарийских удэгейцев. К сожалению, собранные О.П. Суником материалы не были опубликованы. Возможно, они были использованы при написании очерка об удэгейском языке в пятитомнике «Языки народов СССР» [Суник 1968].

¹¹ Часть этих общих черт, возможно, объясняется влиянием китайского языка на диалекты обоих языков.

ки, решение вопроса о статусе удэгейского и ороцкого языков / диалектов во многом зависит от решения вопроса, считают ли орочи и удэгейцы себя единым этносом.

Традиционная территория расселения орочей расположена к северу от территории удэгейцев (см. карту) – по притокам Амура, главным образом, по реке Тумнин, а также по побережью Татарского пролива. В непосредственной близости от них жили анюйские и хунгарийские удэгейцы. В культурном отношении удэгейцы и орочи различались мало. В противоположность нанайцам, жившим по крупным рекам и занимавшимся преимущественно рыбной ловлей, удэгейцы и орочи жили по притокам малых таежных рек и занимались в первую очередь охотой; рыболовство и собирательство играли подчиненную роль. Другие их соседи – эвенки – были оленеводами; для удэгейцев и орочей оленеводство было совершенно не характерно. Орочи занимали в Приамурье ту же нишу, что и удэгейцы. Сходной была как их материальная (постройки, утварь, пища, одежда), так и духовная культура¹².

Не подлежит сомнению, что удэгейцы и орочи – очень близкие друг другу народы. Трудно сказать, насколько они ощущали свою общность в эпоху до начала активных контактов с русскими. Удэгейцам и орочам, как и многим другим народам, была свойственна в первую очередь родовая идентичность. Этническая идентичность присутствовала скорее имплицитно – когда «свои» противопоставлялись «чужим». Таковыми чужими выступали китайцы, маньчжуры и другие народы-пришельцы, а с другой стороны – нанайцы и эвенки, которые вели иной образ жизни. «... этноним удихэ (удээ, удэхэ), стал самоназванием народа в 30-х гг. XX века. До этого общего самоназвания не было. Каждая территориальная группа имела свое самоназвание: хунгарийская – хунгакэ, бикинская – бикинка, анюйская – унинка и др.» [Суляндзига и др. 2003: 142].

Орочи также не имели собственного самоназвания. Сейчас удэгейцы называют орочей *патуңка* ‘житель морского побережья’¹³, однако этим словом они называли и удэгейцев, живших по рекам, впадавшим в океан, в том числе и значительно южнее р. Самарга. Таким образом, название *патуңка* не отделяло собственно орочей от приморских удэгейцев; при этом все остальные этносы имели свои названия: нанайцы – *тајти*, китайцы – *ниңка*, корейцы – *гаули* и т. д.¹⁴ По-видимому, это отражает тот факт, что орочи и удэгейцы не были четко противопоставлены друг другу и в плане этнической идентичности – удэгейские и ороцкие родовые группы, скорее всего, воспринимались как однопорядковые.

Вследствие указанных причин первые исследователи этих этнических групп не разделяли удэгейцев и орочей. Это, видимо, отражало реальное положение дел. За неимением общего самоназвания первоначально этот народ / народы называли «ороченами» или «орочонами»¹⁵. Этноним «орочоны» был дан коренному населению, жившему по побережью Татарского пролива и Японского моря, Ж.Ф. Лаперузом (см. [Шренк 1883: 142]). Он, по существу, является ошибочным, так как восходит к тунгусскому названию северного оленя *oro*. Ни удэгейцы, ни орочи не занимались оленеводством.

¹² Подробное описание традиционной культуры орочей оставил работавший в пос. Уська Ороцкая директор школы Н.П. Сидоров. Его рукописные работы хранятся в краеведческом музее в пос. Советская Гавань. Ср. также данные книг [История и культура орочей 2001; История и культура удэгейцев 1989].

¹³ Намунка – распространенное родовое название у орочей, ставшее в настоящее время «фамилией», записанной в паспорте.

¹⁴ По-удэгейски невозможно сказать «так делают орочи», поскольку это будет означать в первую очередь «так делают жители морского побережья». Выражение *патуңка кэјәні* означает одновременно «язык приморских жителей» и «орочский язык».

¹⁵ Этот этноним использовался для обозначения удэгейцев и орочей во многих географических, статистических и др. сочинениях конца XIX – начала XX века (см., например [Шренк 1883; Надаров 1887; Маргаритов 1888; Протодяконов 1888; Пржевальский 1947]). Этим же именем и по сию пору называют удэгейцев в селах, расположенных по Иману, но в настоящее время самими удэгейцами это название воспринимается как пейоративное.

Тем не менее, этот этноним закрепился и долгое время использовался. Ороконы считались отдельным народом наряду с гольдами, тунгусами, гиляками.

Термин «удэһе» появляется впервые у Сергея Николаевича Браиловского – именно в такой форме. Это было самоназвание одной из групп северных удэгейцев. Браиловский начал использовать также термин «тазы» как синоним термину «удэһе». При этом он не разделял удэгейцев и орочей, пользовался единым термином «орочи-удиһе» и синонимичным ему «тазы»¹⁶.

В конце 1920-х гг. развернулась кампания по изменению этнонимов малых народов России. Предполагалось, что старые названия носили уничижительный характер, поэтому во многих случаях они были заменены самоназваниями данных народов. Так *гольды* стали *нанайцами*, *гиляки* – *нивхами*, *тунгусы* – *эвенками*, *ламуты* – *эвенками* и т. д. *Ороконы* были разделены на три группы и стали *орочами*, *удэгейцами* или *тазами*. Впервые такое разделение находим в книгах В.К. Арсеньева [Арсеньев 1949а; 1949б]. Возможно, оно принадлежит самому Владимиру Клавдиевичу, хорошо знавшему и сами этнические группы, и их языки.

Таким образом, термин *орочи* закрепился за «орочонами», жившими по р. Тумнин, а также по рекам, впадавшим в Татарский пролив (Нельма и Коппи). Тазами стали называться «орочоны» и «гольды», жившие на юге Приморья и воспринявшие китайский язык и культуру. Остальные «орочоны» получили название *удэге*¹⁷ или *удэйцы*, а их язык стал называться *удэгейским* или *удэйским* (из удэг. [udiḥə], [udiə] ‘удэгеец’).

Нет смысла решать вопрос – верным было такое решение или нет. Сейчас это разделение является общепризнанным, и данные этнонимы входят в любой список малых народов России. Они же записывались в советском паспорте в графе «национальность» (в том числе – «тазы»). В настоящее время, когда оба языка находятся на грани исчезновения, а сами представители данных народов твердо знают, какой они национальности, это разделение стало реальностью.

Возникает вопрос о том, как же в действительности соотносятся данные идиомы.

В первых словарях удэгейского языка (Протодяконова, Леонтовича, а также в материалах Инадарова и Маргаритова), в обобщающей работе Браиловского представлены как ороческие, так и собственно удэгейские слова. С.Н. Браиловский сопоставил собранный им лично материал с лексикой диалектов других территориальных групп и пришел к выводу об обособленности южных удэгейцев, испытавших китайское влияние. Северных удэгейцев (в современной терминологии) он относил к орочам. Браиловский настаивал на культурной и языковой общности всех «орочей-удэһе». Этой же точки зрения придерживался П. Шмидт.

Работавший у орочей и удэгейцев в середине XX века этнограф В.Г. Ларькин считал ороческий и удэгейский двумя диалектами одного языка, причем удэгейский подразделяется у него на несколько говоров [Ларькин 1959: 5]. Это мнение отражено в учебнике А.А. Реформатского [Реформатский 1996: 226].

Удэгейский и ороческий языки стали рассматриваться лингвистами как отдельные языки начиная с 1930-х гг. [Шнейдер 1936; Суник 1968; Аврорин, Лебедева 1978]. Следует заметить, что при этом изучались диалекты, которые в лингвистическом отношении действительно были достаточно далеки друг от друга.

Независимо от того, считать ли удэгейский и ороческий близкородственными языками или далеко разошедшимися диалектами одного языка, главным остается тот факт, что эти языки образуют сплошной диалектный континуум.

¹⁶ Этноним «тазы» восходит к кит. *да-цзе* ‘местный житель Приморья’. Тазы являются этнической группой тунгусо-маньчжурского происхождения, утратившей родной язык и говорившей на одном из северных диалектов китайского. Они были поселены в пос. Михайловка Ольгинского р-на; о языковой ситуации у тазов см. [Беликов, Перехвальская 1994].

¹⁷ Этноним «удэге» несет в себе неточность, так как неудачно передает данное самоназвание. В удэгейском слове сочетание *-iḥə-*, как будет показано ниже, передает один звук, и согласный в нем отсутствует.

Хадинский (приморский) диалект ороцкого языка весьма близок самаргинскому диалекту удэгейского языка. Пограничный говор – идиом группы, живущей на р. Коппи, – считается либо самым южным диалектом ороцкого языка (В.И. Аврорин), либо самым северным диалектом удэгейского языка (И.В. Кормушин). Фактически в этом районе граница между ороцким и удэгейским языком проходит по административной границе между Хабаровским и Приморским краями. Это напоминает описанное выше проведение искусственных границ между диалектами в ситуации диалектного континуума. Поскольку устье реки Коппи, впадающей в Татарский пролив, территориально относится к Хабаровскому краю, при паспортизации в 1930-е гг. местные «орочоны» получили паспортные записи *ороч*, *орочка*, таким образом, официально их язык – это диалект ороцкого языка.

Лингвистическое положение коппинского диалекта до недавнего времени оставалось неясным. В 2007 г. мной совместно с Н.В. Кузнецовой проводилось исследование коппинского диалекта ороцкого языка, в ходе которого мы записали более трехсот слов и несколько десятков фраз на коппинском диалекте. Собранные данные обрабатывались; целью исследования было определение места данного диалекта на лингвистической карте Нижнего Приамурья. Были выбраны следующие диагностические черты: фонетика (наличие / отсутствие аспирированных и глоттализированных гласных), грамматика (построение глагольного отрицания, выражение числа существительного), лексика. На основе этих данных я пришла к выводу, что коппинский язык совмещает в себе черты ороцкого и удэгейского языка, являясь переходным от самаргинского диалекта удэгейского языка к приморскому диалекту ороцкого. При этом он, однако, выказывает несколько больше свойств, характерных для ороцкого языка.

Диалекты ороцкого и удэгейского языков образуют непрерывный континуум, их можно выстроить в следующем порядке (с севера на юг):

тумнинский (основной) диалект	┌
хадинский диалект	└
коппинский диалект	
самаргинский диалект	┌
анюйский диалект	└
хорский диалект	
бикинский диалект	
иманский диалект	

Каждые два соседних диалекта в целом довольно близки друг к другу и, без всякого сомнения, совершенно взаимопонятны. Однако крайние точки – основной диалект ороцкого языка и иманский диалект удэгейского языка – уже довольно далеки и обладают весьма значительными лингвистическими различиями.

Среди собственно удэгейских диалектов определенное сходство обнаруживают, с одной стороны, иманский и бикинский, с другой – хорский и анюйский диалекты. О.П. Суник высказывал также мысль о близости самаргинского и хунгарийского диалектов [Суник 1968: 231]. Таким образом, по данным Суника, в удэгейском языке выделялись три диалектные группы («говора» по Сунику): иманско-бикинская, хорско-анюйская и самаргинско-хунгарийская. Это утверждение невозможно проверить, поскольку хунгарийский диалект полностью утрачен¹⁸. Поэтому я буду противопоставлять северную группу диалектов (анюйский, хорский, самаргинский) и южную группу (бикинский и иманский).

¹⁸ В 2004 г. в пос. Снежный, куда были сселены хунгарийские удэгейцы, мы не нашли ни одного человека, который бы помнил свой «этнический» язык, не удалось собрать даже список слов.

АСПИРИРОВАННЫЕ И ГЛОТТАЛИЗОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ДИАЛЕКТАХ УДЭГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Одной из основных особенностей удэгейской фонетики, требующей описания и осмысления, является наличие нескольких серий гласных звуков (в том числе и дифтонгов), различающихся способом образования и/или супraseгментными характеристиками. Их фонологический статус как отдельных фонем, а также их место в фонологической системе языка в научной литературе было предметом споров. Можно констатировать, что до сих пор нет единого мнения по вопросам как об артикуляции этих гласных, так и об их фонологической интерпретации.

Ниже будут рассмотрены: 1) инвентарь данных гласных в различных диалектах удэгейского и ороцкого языков; 2) их конкретная реализация в каждом из диалектов; 3) их фонологическая интерпретация; 4) некоторые теории происхождения гласных этого типа.

Число серий долгих гласных является одной из важнейших черт, противопоставляющих северную диалектную группу южной. В северных диалектах имеются чистые, аспирированные (придыхательные) и глоттализованные (прерывные) долгие гласные; в южных – только чистые и глоттализованные.

В родственных удэгейскому языкам (например, в эвенкийском) придыхательным и прерывным гласным соответствуют трехфонемные сочетания гласных с согласными. В общем случае придыхательные долгие гласные образовались из сочетания V-s-V, а прерывные долгие гласные – из сочетания V-q-V. Таким образом, в удэгейском произошло стяжение двух слогов в один с появлением долгих гласных сложного образования. Ср.: бик. *aanta*, хор. *a^hanta* ‘женщина’ – ороц. *asa*, нан. *asa*, эвенк. *asi*; бик. *gääma*, хор. *geäma^ha* ‘кость’ – ороц. *giamsa*; бик. *in^häi*, хор. *in^hai* (Корм. *ina^hi*) ‘собака’ – ороц. *inaki*, эвенк. *ñinakin*; бик., хор. *n^hau* (Корм. *na^hu*) ‘курица’ – ороц. *naku*, ульч. *naku(n)* и т. п.

В разных диалектах удэгейского языка данные гласные фонемы имеют различную фонетическую реализацию, что также является одним из оснований для выделения группы северных и южных диалектов.

Экспериментальное исследование данных фонем показало, что их реализация варьируется не только в разных диалектах, и не только у разных информантов, но и у одного и того же говорящего, и зависит от стиля произнесения.

Аллегро-стиль и языковой дрейф

В удэгейском, как и любом другом языке, различаются полный стиль произношения и так называемый «аллегро-стиль», или стиль небрежной, быстрой речи¹⁹, ср. русское [pʲɫɐˈtʲɛntsə] и [pʲɫɐˈtʲɛnts] ‘полотенце’, [kɐkʲiʲjɐ-tə l’udi] и [kʲitə l’ui] ‘какие-то люди’, [kák ɒn xódit] и [kákəp xó.i] ‘как он ходит’²⁰.

Очевидно, с течением времени аллегро-стиль постепенно вытесняет полный стиль произношения; когда же он становится полным, возникает новый аллегро-стиль [Хелимский 2007]. Этот процесс может сдерживаться, если язык является письменным, если существует кодифицированная норма, орфоэпия и т. п. При этом правила, по которым образуется аллегро-стиль конкретного языка, не являются универсальными. Но во всех случаях это следствие неполной артикуляции тех или иных звуков в быстрой речи. Слово или группа слов сокращается настолько, насколько слушающий оказывается способен восстановить полную форму. Важно, что упрощение касается не всех типов артикуляции, существующих в данном языке. Выше были показаны примеры из русского языка, из которых видно, что неполностью артикулированными или вовсе утраченными

¹⁹ Е.А. Хелимский видел в вытеснении полного стиля произношения аллегро-стилем один из процессов, характерных для ситуации языкового сдвига [Хелимский 2007].

²⁰ Можно выделить и больше произносительных стилей: например, «lento», «allegretto», «allegro», «presto» [Lass 1984: 301–303].

оказываются в первую очередь безударные гласные звуки, а также глайды. Согласный /d/ утрачивается только в инлауте после огубленных гласных заднего ряда [o], [u]: в быстром произношении слова *водит* и *воет* оказываются омонимами. Другие согласные, а также /d/ в иных позициях, сохраняются. Как мы видим, редукция гласных, являющаяся характерной чертой фонетики русского литературного языка, в русском аллегро-стиле идет еще дальше – к полной утрате гласных третьей степени редукции.

Отличительные черты аллегро-стиля являются постоянной чертой конкретного языка. В русском языке это, прежде всего, тенденция к еще большей редукции гласных. В испанском языке, напротив, гласные остаются напряженными, зато ослабляются согласные в позиции между гласными: в полном произношении звонкие смычные становятся щелевыми, а в аллегро-стиле часто и вовсе выпадают. Таким образом, особенности артикуляции в аллегро-стиле становятся как бы постоянно действующим фактором, определяющим звуковые изменения в конкретном языке, происходящие на протяжении длительных периодов.

Здесь уместно вспомнить теорию «дрейфа» (drift), выдвинутую Э. Сепиром [Сепир 1993: 137–139]. В соответствии с этой теорией, в каждом языке действуют одни и те же причины, которые приводят к постоянному изменению языка в одном и том же направлении. Так, например, в славянских языках последовательно происходили процессы палатализации, которые, в частности, привели к возникновению шипящих согласных. В английском языке действовала тенденция к дифтонгизации долгих гласных и т. п. До сих пор механизмы действия такого «дрейфа» не вполне ясны, хотя очевидно, что они связаны с особенностями артикуляции звуков в конкретном языке. Скажем, незначительная палатализация согласного перед гласными переднего ряда имеется в любом языке, поскольку артикуляционный аппарат заранее настраивается на произнесение следующего звука – язык продвигается вперед. Но у говорящих на восточнославянских идиомах язык продвигается дальше, чем в среднестатистическом случае. При произнесении звонких смычных в инлауте время смычки обычно короче, чем при произнесении глухих смычных, но в испанском языке изменение зашло дальше, и звонкие смычные в этой позиции превратились в аппроксиманты.

Как правило, действие «дрейфа» – этого постоянно действующего фактора в языке – иллюстрируют последовательными изменениями, происходившими в истории того или иного языка. Однако при рассмотрении диалектного континуума можно наблюдать сходные явления не только во времени, но и в пространстве. Некий фактор, определяющий изменения в языке, может в одной точке континуума зайти дальше, чем в другой. Например, во всех западнороманских языках, диалекты которых приводились как пример такого континуума, существует указанная тенденция к ослаблению согласных в инлауте. В литературном испанском языке в полном стиле звонкие смычные реализуются как щелевые [-b-] → [B], [-d-] → [-D-], [g] → [ɣ]. Французский язык пошел дальше, ср. исп. *pagar* [paɣaɾ] и фр. *payer* 'платить'. Во французской форме мы видим следующий шаг в развитии этой тенденции: [g] → [ɣ] → [j]. То же самое касается многих слов с интервокальным /-d-/: исп. *maduro* и фр. *mûr* 'спелый'; во французском соответствии от смычного согласного остался лишь надстрочный орфографический знак.

Очевидным образом, в удэгейском языке также действовал некий «постоянный фактор», который привел к образованию аспирированных и глоттализированных долгих гласных, но в разных диалектах он проявлялся с разной силой. В некотором отношении картина, наблюдаемая в диалектах удэгейского языка, напоминает ситуацию с западнороманскими языками. Несколько упрощая реальную картину, можно сказать, что сила воздействия этого фактора возрастает с севера на юг. Прежде чем определить, в чем именно этот фактор заключается, рассмотрим соответствующие диалектные формы.

Как уже говорилось, своеобразие удэгейского языка заключается в первую очередь в наличии гласных сложного образования – наиболее полно данная система описана для хорского диалекта [Шнейдер 1936; Симонов 1988]. Сравним соответствия в других диалектах, а также в диалектах ороцкого языка.

Аспирированные гласные в диалектах удэгейского и ороцкого языка²¹

	Диалект	Источник	‘лист (дерева)’	‘глаз’	‘утка полетела’
Ороцкий	тумнинский	Авр-Леб	abdasə		gasə
	хадинский	Авр-Леб	abdahə		
	коппинский	АИ	[abdāhə], [abdə ^h ə]	[isa]	[gasə] ([gaxə]) [diələhəni]
		Корм		jehə	
Удэгейский	самаргинский	Корм	abdehə (abdeæ ^h ə)	jææh; jə	gahə
	анюйский	Шн		j{ehə}	gahə
	хорский	Шн	abd{ehə}	j{ehə}	g{ahə} diel{ihə}ni
		Сим-Кял	abdia ^h	ja ^h	gaja ^h
		ВТ	[abdeæh]	[jææ], [jæ]	[gaja]
	бикинский	Пер-Ник-Тол	abdää	jaə	gaja diəliəni
		ЛС	[abdää]		
		АП	[abde]		

Сопоставлялись два типа данных: 1) данные словарей: Словарь ороцкого языка В.А. Аврорина и Е.П. Лебедевой [Аврорин, Лебедева 1978] – ороцкий язык: тумнинский (основной) и хадинский (приморский) диалекты; Словарь удэгейского языка из книги И.В. Кормушина [Кормушин 1998] – коппинский и самаргинский диалекты; Словари удэгейского языка Е.Р. Шнейдера [Шнейдер 1936; 1937] – хорский и анюйский диалекты; Словарь удэгейского языка М.Д. Симонова и В.Т. Кялундзюги [Симонов, Кялундзюга 1998] – хорский диалект; Словарь бикинского диалекта удэгейского языка И.А. Николаевой, Е.В. Перехвальской и М.В. Тольской [Перехвальская, Николаева, Тольская, ркп.] – бикинский диалект; 2) фонетические записи отдельных слов и предложений у следующих информантов: А.С. Иващенко – коппинский диалект; В.Т. Кялундзюга – хорский диалект; Л.Б. Симанчук, А.Е. Пионка, А.А. Канчуга, Н.П. Кукченко – бикинский диалект.

Как видим, данная таблица в целом соответствует представлениям о лингвистической близости ороцкого и удэгейского языков. Придыхательным гласным хорского диалекта соответствуют согласные звуки в диалектах ороцкого языка. В бикинском

²¹ Для большей наглядности система записи удэгейских слов унифицирована: удэгейские слова записываются латинскими буквами; принятый в орфографии М.Д. Симонова надстрочный знак для обозначения придыхательных гласных заменен на знак ^h после соответствующей буквы; в фигурные скобки заключены буквосочетания, обозначающие в словарях Шнейдера одну фонему [Шнейдер 1936; 1937]. Данные, полученные от информантов, заключены в квадратные скобки. Используются следующие сокращения: (Авр-Леб) – [Аврорин, Лебедева 1978]; (Корм) – [Кормушин 1998]; (Шн) – [Шнейдер 1936; 1937]; (Сим-Кял) – [Симонов, Кялундзюга 1998]; (Пер-Ник-Тол) – [Перехвальская, Николаева, Тольская, ркп.]; (АИ) – Анатолий Сафронович Иващенко; (ВТ) – Валентина Тунсяновна Кялундзюга; (ЛС) – Лидия Боучановна Симанчук; (АП) – Александр Егорович Пионка; (ААК) – Александр Александрович Канчуга; (НПК) – Надежда Павловна Кукченко.

придыхательных звуков нет, им соответствуют чистые долгие гласные, которые имеют тенденцию к утрате долготы. Однако представленная картина не является полной, поскольку в ней отражен только полный стиль произнесения.

Была поставлена задача выявить особенности произношения в каждом из диалектов как в полном регистре, так и в аллегро-стиле. На эти различия специально обращалось внимание при сборе фонетической анкеты в 2007 г. Разумеется, словари ориентированы на полный вариант произношения. Однако записи текстов дают определенный материал, который можно использовать при попытках установления «небрежного» стиля произношения, присущего тому или иному диалекту, сделать современные записи которого уже затруднительно.

В общем виде развитие придыхательных гласных проходит следующие стадии:

$V-s-V > V-h-V > V^hV > VV^h > VV > V$ ²²

В данной схеме: $V-s-V$, $V-h-V$ – последовательности гласных и согласных, образующих два слога; V^hV – долгий гласный, прерываемый придыханием; VV^h – придыхание следует за долгим гласным; VV – чистый долгий гласный; V – краткий гласный.

Если учитывать различные стили произнесения внутри одного и того же диалекта, то окажется, что каждый диалект характеризуется не одним вариантом реализации данного типа гласных, а несколькими вариантами²³. Эти варианты отчасти перекрываются:

$V-s-V > [V-h-V > V^hV] > VV^h > VV > V$ (коппинский диалект)

$V-s-V > V-h-V > [V^hV > VV^h > VV] > V$ (хорский диалект)

$V-s-V > V-h-V > V^hV > VV^h > [VV > V]$ (бикинский диалект)

Один и тот же формальный вариант произнесения в разных диалектных системах будет принадлежать к иному произносительному стилю. Взятые попарно, два смежных диалекта представляют такое соотношение: «аллегро-стиль» более «консервативного» диалекта (как правило, более северного) будет в общих чертах совпадать с полным стилем более южного диалекта.

Следовательно, появление, а затем постепенная утрата придыхательных гласных подчинены единой для всех диалектов тенденции, но разные диалекты находятся на разных стадиях ее проявления.

Глоттализированные гласные

Аналогичная, хотя и более сложная, картина наблюдается и для глоттализированных гласных. В собственно удэгейских диалектах они, как и аспирированные, «имеют в середине произношения некоторый посторонний элемент. В прерывных – это элемент молчания, вызываемый смычкой (происходящей глубоко в гортани)» [Шнейдер 1937: 85]. Как указывает И.В. Кормушин со ссылкой на неизданное исследование удэгейской фонетики, проведенное Л.Р. Зиндером и М.И. Матусевич, в изученном ими варианте удэгейского языка эта смычка производится не в середине звучания, как предполагал Е.Р. Шнейдер, а значительно ближе к началу произнесения гласного [Кормушин 1998: 53–54].

Как мы видели в отношении аспирированных гласных, в разных диалектах сложные гласные не только реализуются по-разному, но и представляют собой разные этапы трансформации звукового комплекса (последовательности фонем) в единую сложную фонему.

В таблице, представленной ниже, приведены для сравнения имеющиеся данные по произношению прерывных долгих в разных диалектах.

²² В нескольких словах ('утка', 'язык', 'окорок') наблюдается иное развитие:

$V-s-V > V-ʃ-V > V^hV > V-j-V$ (ʃ и ʝ обозначают палатализованные согласные).

²³ Приводятся диалекты, по которым имеются фонетические записи. Варианты, встречающиеся в данном диалекте, заключены в квадратные скобки.

Глоттализированные гласные в диалектах удэгейского и ороцкого языка

	Диалект	Источник	‘собака’	‘речка’ ²⁴	‘водка’
Ороцкий	тумнинский	Авр-Леб	inaki(n)	bäaka(n)	araki
	коппинский	АИ	[naqi], [na ^h qi]	[beä ^h qa]	[araqi], [ara ^h qi]
		Корм			a'ih
Удэгейский	самаргинский	Корм		bææ'sa	a'i
	анюйский	Шн	in'ai (узкое a)	b' {eæ} sa	'ai
	хорский	Шн	in'ai	b'eæsa	'ai
		Сим-Кял	in'ai	bi'asa	'ai
		ВТ	[inaʔai], [inə'i]	[bea'asa]	[aʔi], [a'i]
	бикинский	Пер-Ник-Тол	in'əi, ina'i	b'äsa	'ai
		ЛС	[inəi], [inɛi]		[ai]
		ААК		[beaʔsa]	['ai]
		НПК		[bea'axa], [bea'asa]	['ai]
		АП	[inə(')i], [inɛi]		['ai], ['ae]

В общем виде развитие глоттализированных долгих проходит следующие стадии:

$V-q-V > V-ʔ-V > V^?V > > VV_{+фонация} > VV_{+просодия} > VV$

В данной схеме: $V-q-V$, $V-ʔ-V$ – последовательности гласных и согласных, образующих два слога; $V^?V$ – долгий гласный, прерываемый смычкой; $VV_{-фонация}$ – долгий гласный со скрипучей фонацией; $VV_{+просодия}$ – долгий гласный, характеризующийся понижением тона; VV – чистый долгий гласный.

Если учитывать различные стили произнесения в одном и том же диалекте, даже в произношении одного и того же диктора, выявляется следующее распределение вариантов произнесения:

$[V-q-V > V^?V > V^?V] > > VV_{+фонация} > VV_{-просодия} > VV$ (коппинский)

$V-q-V > V^?V > [V^?V > > VV_{-фонация}] > VV_{+просодия} > VV$ (хорский)

$V-q-V > V^?V > [V^?V > > VV_{+фонация} > VV_{+просодия} > VV]$ (бикинский)

Рассмотрим конкретные реализации данного типа гласных подробнее.

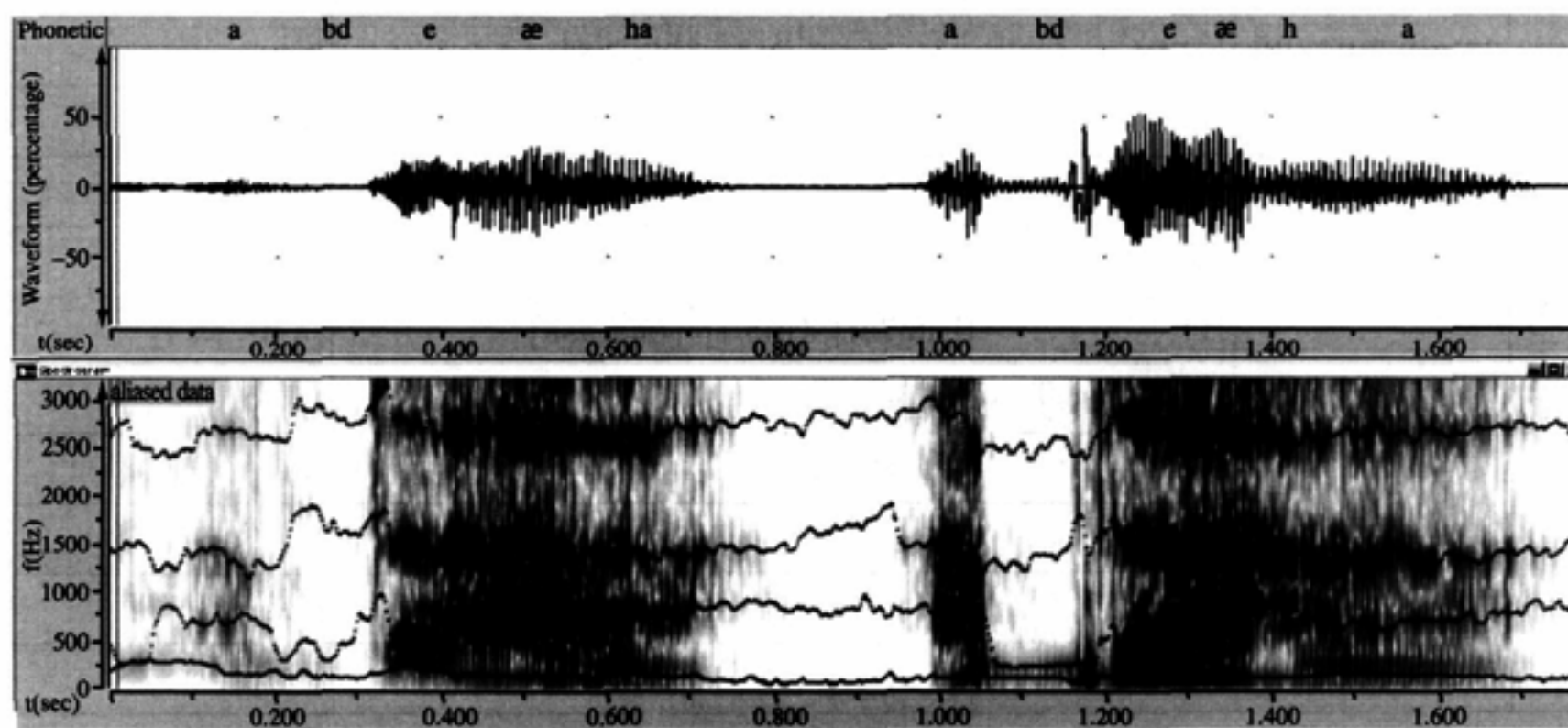
Фонетическая реализация аспирированных и глоттализированных гласных

Аспирированные (придыхательные) гласные

С фонологической точки зрения особый интерес представляет последовательность V^hV с ослабленным согласным в интервокальной позиции – акустически это долгий гласный, прерываемый придыханием. Его фонематическая трактовка, однако, может быть двоякой.

²⁴ Удэгейские формы $< *bäka-sa$, где $-sa$ – суффиксальный элемент.

В коппинском диалекте это факультативный вариант произношения, характерный для «аллегро-стиля»; полный стиль характеризуется произнесением V-h-V. В речи А.С. Иващенко, носителя коппинского диалекта, последовательности такого типа произносились в два слога только в полном стиле. При необходимости прояснить слово А.С. Иващенко мог скандировать слово по слогам, разделяя данные последовательности четко на два слога [ab.dæ.ha]. Однако в быстрой речи последовательность V-C-V стягивалась в долгий гласный, прерываемый кратким придыханием. Ср. приводимое ниже произнесение им слова /abdæha/ ‘лист (дерева)’ в allegro (слева) и полном (справа) стилях (см. пример I).

I. Коппинский диалект, диктор А.С. Иващенко: [abdæ^ha], [abdæha] ‘лист’

Сходные наблюдения делает И.В. Кормушин относительно реализации аспирированных гласных северных диалектов: «В полно-выделительном типе произнесения, если гласные, окружающие фарингальный, одинаковы, оба они произносятся одинаково по длительности и образуют фактически два слога, при этом *h* озвончается: *a^hанта* [a-хан-та] ‘женщина’, *гэ^hэ* [гэ-хэ] ‘плохо’, *оло^hо* [о-ло-хо] ‘уха’, *и^hи* [и-хи] ‘лиственница’. В полно-нормальном типе произнесения *h* артикулируется одновременно со вторым гласным, становясь фарингальным призвук в начальной его стадии; при этом наблюдается спаянность фарингального с предшествующим гласным, так что в общем образуется единый сложный звук; в результате сказанного слогоделение проходит уже иначе, объединяя два слога в один: *a^hанта*, *гэ^h*, *оло^h*, *и^h*. <...> в нормально-сокращенном типе окружающие *h* однокачественные гласные сливаются в долгий, а фарингальный следует за долгим гласным, причем почти всегда, но в особенности в абсолютном конце и в середине – перед глухими согласными, он является глухим: *a^hнта*, *гэ^h*, *оло^h*, *и^h*. Подобное произношение создает условия для падения звука *h*...» [Кормушин 1998: 64–65]. Как мы видим, Кормушин выделяет три стиля произношения: полно-выделительное, полно-нормальное и нормально-сокращенное. Они соответствуют выделяемым мной скандированию, полному стилю и allegro-стилю.

По нашим данным, ни в одном из диалектов не наблюдалось одновременного сосуществования того типа произношения, которое Кормушин назвал полно-выделительным (*h* – отдельный согласный звук), с типом, названным им «нормально-сокращенным», при котором *h* превращается в глухое придыхание, которое следует за гласным, и, тем более, с возможностью «падения звука *h*». Скорее всего, исследователь объединил явления, наблюдаемые в разных диалектах.

Вариант V^hV характерен для полного стиля произнесения в анюйском диалекте. Но здесь его следует трактовать уже не как последовательность из двух слогов, а как дол-

гий гласный, прерываемый придыханием. «Конечно, этот *h* в данном звуковом комплексе не играет роли самостоятельного согласного <...> При сравнении удэгейских слов, имеющих в своем составе аспирированные гласные, со словами одинакового значения в других тунгусо-маньчжурских языках, выясняется, что <...> двусложное сочетание превратилось в односложное, т. е. процесс трансформации *s* (*ʃ*) → *h* (*ʰ*) сопровождался стяжением пары одинаковых гласных. В результате – появление качественно новой категории гласных, например *aha*- ‘догонять’ (эвенк. *asa*-); *imaha* ‘снег’ (орочск. *imasa*); *ihi* ‘лиственница’ (орочск., маньчж. *iʃi*)...» [Шнейдер 1937: 10–11].

Представляется, что два типа произношения, *V-h-V* и *V^hV*, были характерны для самых северных диалектов удэгейского языка – коппинского, самаргинского и, по-видимому, хунгарийского²⁵. Скорее всего, в конце XIX в. варианты реализации «аспирированных» гласных *V-h-V* и *V^hV* были характерны и для хорского произношения. У Надарова мы находим *яга* ‘глаз’ (Шн *jehæ*, Сим-Кял *jâ*), *нюге* ‘нос’ (Шн *nyhø*, Сим-Кял *niê*), *того* ‘пуговица’ (Шн *toho*, Сим-Кял *tô*). Не вполне ясно, какой именно звук изображается буквой «Г», однако вряд ли это был звонкий смычный, скорее всего это был придыхательный согласный, возможно, звонкий. В некоторых случаях он Надаровым не отмечается, ср. записанный им же вариант слова ‘глаз’ – *я*²⁶, *ниама* ‘куртка кожаная’ (Шн *nehæma*, Сим-Кял *niâma* ‘кожаный’).

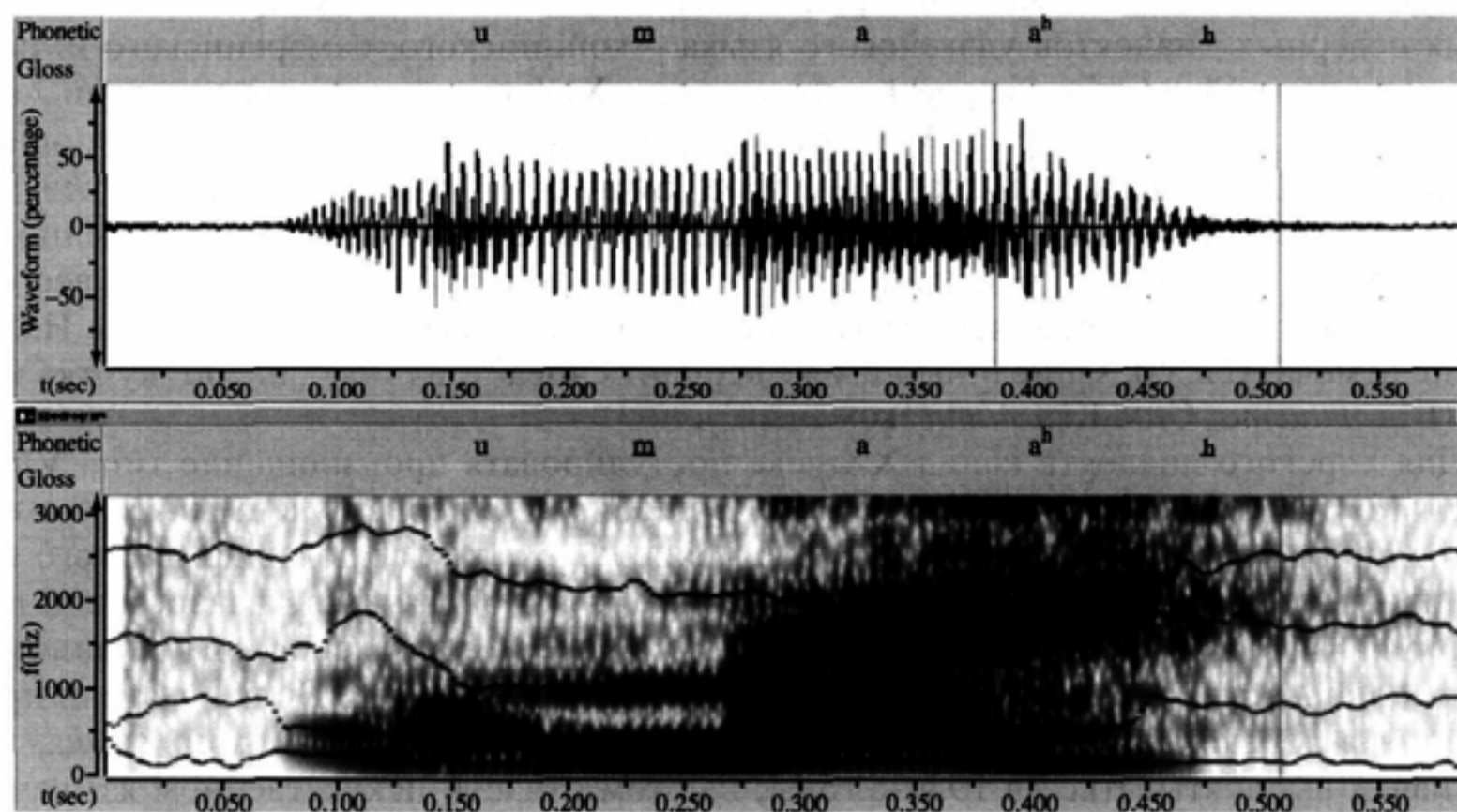
Для хорского диалекта конца XX века постулировать произношение типа *VhV* «в два слога» было бы неверно. И.В. Кормушин собирал материалы в 1960–1970-е годы, через тридцать с лишним лет после Е.Р. Шнейдера, уже не наблюдавшего такого варианта произношения. Напротив, он указывал на то, что образуется «качественно новая категория гласного». В 1930-е годы удэгейцы на реке Хор произносили, по-видимому, *V^hV* в полном стиле произношения, и *V^h_v* – в «аллегро-стиле». Полный стиль произношения в хорском диалекте лег в основу «литературного» удэгейского языка, который начал вырабатываться в 1930-е годы; на этом отчасти искусственном языке было выпущено несколько книг. М.Д. Симонов, работавший с хорским диалектом с конца 1970-х гг., отмечал вариант *V^h_v* в качестве полного стиля, в «аллегро-стиле» аспирированные гласные уже произносились как *VV^h*: «Аспирированные гласные произносятся с резким усилением интенсивности к концу фонации. В первом слоге, открытом или начинающемся с гласного, это усиление сопровождается сильным придыханием: [*bâ^h:ta*] ‘мальчик’, [*wâ^h:ni*] ‘он убил’... Там, где придыхание присутствует, оно находится не в середине фонации гласного, а накладывается на всю его вторую половину. Только при сильной эмфазе “аспирированный” гласный может получить дополнительную мору, свободную от придыхания [*bâ^h:^ata*]» [Симонов 1988: 52]. Таким образом, мы видим, что только при скандировании в речи хорских удэгейцев в 1980-е годы придыхательные гласные прояснялись до варианта *V^h_v*. Когда М.Д. Симонов предъявил информанту слова с аспирированным гласным, произнесенные в два слога, оказалось, что «слова **jehæ* (вместо *jâ* ‘глаз’); **ahanta* (вместо *anta* ‘женщина’); *imo^ho* (вместо *imô* ‘сало’) просто не поняты информантом» [Симонов 1988: 52]. Изменение в способе основной (полной)

²⁵ В ряде случаев [*h*] реализовывался как палатальный [*ʲ*], что приводило к продвижению следующего за ним гласного вперед, откуда ороч. *gasa*, копп. *gaxa* ‘утка’ и смрг., хор. *gehæ* и т. п. «... **s*, будучи шепелявым, переходил в палатализованный *ʲ*. ...После мягкого согласного мог находиться только передний гласный, следовательно, переход **s* > *ʲ* влек за собой опереднение последующего гласного. Последнее в свою очередь приводило к умлаутным сдвигам предшествующего гласного» [Кормушин 1998: 64]. И.В. Кормушин полагал, что такой переход имел место во всех случаях, т. е. перед любыми гласными. Однако тогда невозможно объяснить формы *ahanta* < *asa* ‘женщина’; исход на -*AhA* во многих двусложных словах (*imo^ho* ‘жир’, *imaha* ‘рыболовный крючок’, *geætaha* ‘кость’ и другие). Не исключая, что это объясняется иным поведением аспирированных согласных в различных позициях слова (см. подробнее о просодии удэгейского слова в [Nikolaeva 2000: 131–138]).

²⁶ М.Д. Симонов предполагает, что Надаров фиксировал фарингальный [*h*] только на ритмических границах слова, однако это не объясняет наличия у Надарова дублетных форм ‘глаз’ *я* и *яга*, ‘нос’ *нюгу* и *нионё*.

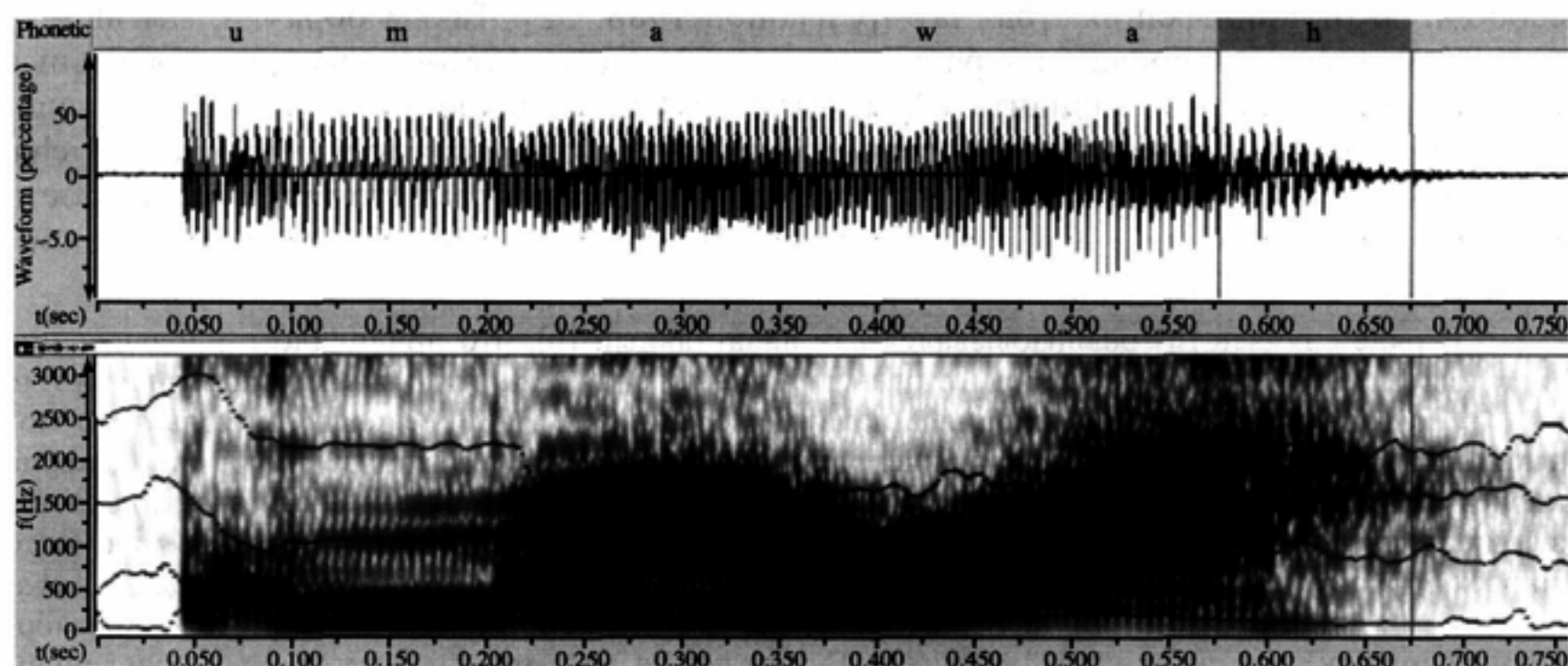
артикуляции придыхательных гласных было одной из причин смены типа письменности.

В ходе полевого исследования 2007 года мы обнаружили в хорском диалекте только один тип произношения придыхательных гласных. При наиболее полном стиле произношения, если произносится отдельное слово, можно получить тип V^h_v однако и в этом случае лишенное звонкости придыхание произносится и после гласного, получается нечто вроде $[V^h_vh]$, ср. следующее произношение слова *umaha*²⁷ ‘костный мозг’ В.Т. Кялундзюгой (см. пример II).

II. Хорский диалект, диктор В.Т. Кялундзюга: [umaah] ‘костный мозг’

На спектрограмме видно, что участок, ограниченный курсорами, утрачивает вокалические характеристики, превращаясь в глухое придыхание. Конечный комплекс состоит из долгого гласного (250 миллисекунд), длительность которого почти в два раза превышает длительность начального краткого гласного [u]. Ср. произношение тем же диктором формы аккумулятива от того же слова (*umahawa*) (см. пример III).

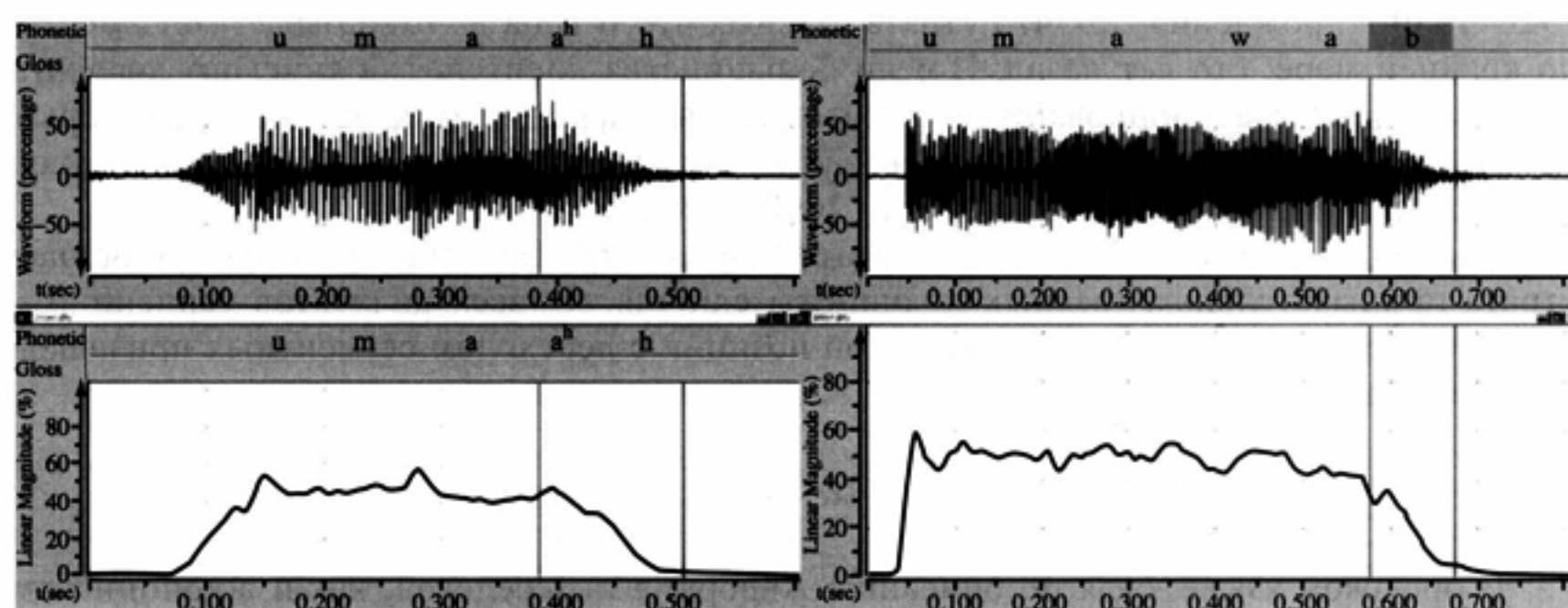

III. Хорский диалект, диктор В.Т. Кялундзюга: [umaawah] ‘костный мозг-Асс’

²⁷ Здесь и далее, если нет специальных оговорок, удэгейские слова приводятся в орфографии Е.Р. Шнейдера.

Легко убедиться, что долгий гласный /a:/ утратил аспирированный характер, однако аспирация появилась в абсолютном конце слова (сегмент между курсорами). Такой перенос аспирации в конец фонетического слова, возможно, является особенностью индивидуального произношения данного диктора, но, скорее всего, это отражение особенностей произношения придыхательных гласных в хорском диалекте. И.В. Кормушин также фиксировал такого рода реализацию придыхательных гласных.

И. Николаева, возражая против описанной Кормушиным возможности произнесения аспирированных гласных с ларингальным согласным после гласного, приводит следующий аргумент: исход на согласный противоречит основным фонотактическим правилам удэгейского языка. Здесь, однако, мы имеем дело не с согласным, а с придыхательным гласным. Это дополнительное соображение в пользу того, что мы имеем дело не с сочетанием фонем, а с единой фонемой. Не подтверждается представление Симонова о том, что «аспирированные гласные произносятся с резким усилением интенсивности к концу фонации». Напротив, интенсивность понижается. Ср. кривые интенсивности для тех же слов (см. пример IV).

IV. Хорский диалект, диктор В.Т. Кялундзюга: [umaah] ‘костный мозг’, [umaawah] ‘костный мозг-Асс’

И.В. Кормушин справедливо указывал на то, что такое произношение создает условия для падения аспирации. Судя по нашим данным, это произошло в первую очередь с аспирированными гласными в конечной позиции, как в примерах выше. Аспирированный характер, следовательно, должны были утратить показатели 2 лица единственного и множественного числа ($-hi > -i$; $-hu > -u$), а также суффиксы прошедшего I (общефактическое прошедшее) $-ha/-ho/-hə > -a/-o/-ə$. В хорском диалекте утрата аспирированных гласных была характерна только для «аллегро-стиля».

Косвенным подтверждением этого служат записи фольклора хорских удэгейцев, опубликованные в Новосибирске [Фольклор 1998]. В подавляющем большинстве форм прошедшего I суффиксы не маркированы как аспирированные, ср. в тексте № 1: *олоктони* (< olokto-ho-ni) ‘сварила’; *андалати* (< andala-ha-ti) ‘подружились’; *аласиэни* (< alasi-hə-ni) ‘ждала’ [Фольклор 1998: 74]. Точно так же в текстах, как правило, не маркированы аспирированные гласные в личных показателях 2 лица. Однако в корневых морфемах аспирированные гласные последовательно обозначаются, ср. в том же тексте: *ту тэини* (tu təə-hi-ini) (презентс) ‘все сидит’; *тэми* (təə-mi) (конверб) ‘сидя’. Следовательно, пропуск знака аспирации в формах прошедшего I и личных показателях 2 лица нельзя считать случайным.

По-видимому, утрата аспирированных произошла в первую очередь в некорневых морфемах. В записи некоторых корневых морфем, правда, наблюдается разноречие – одно

и то же слово может иногда маркироваться как имеющее то аспирированный, то чистый долгий гласный: *bîni* и *bîni* (bi-hi-ni) (презент) ‘связка’. Связочный и отрицательный глаголы, будучи частотными, в первую очередь подвергаются «стиранию» – под этим импрессионистическим термином следует понимать замену полного стиля сокращенным.

В речи более молодых носителей хорского диалекта аспирированные гласные отсутствуют вовсе, они во всех позициях заменены чистыми долгими гласными.

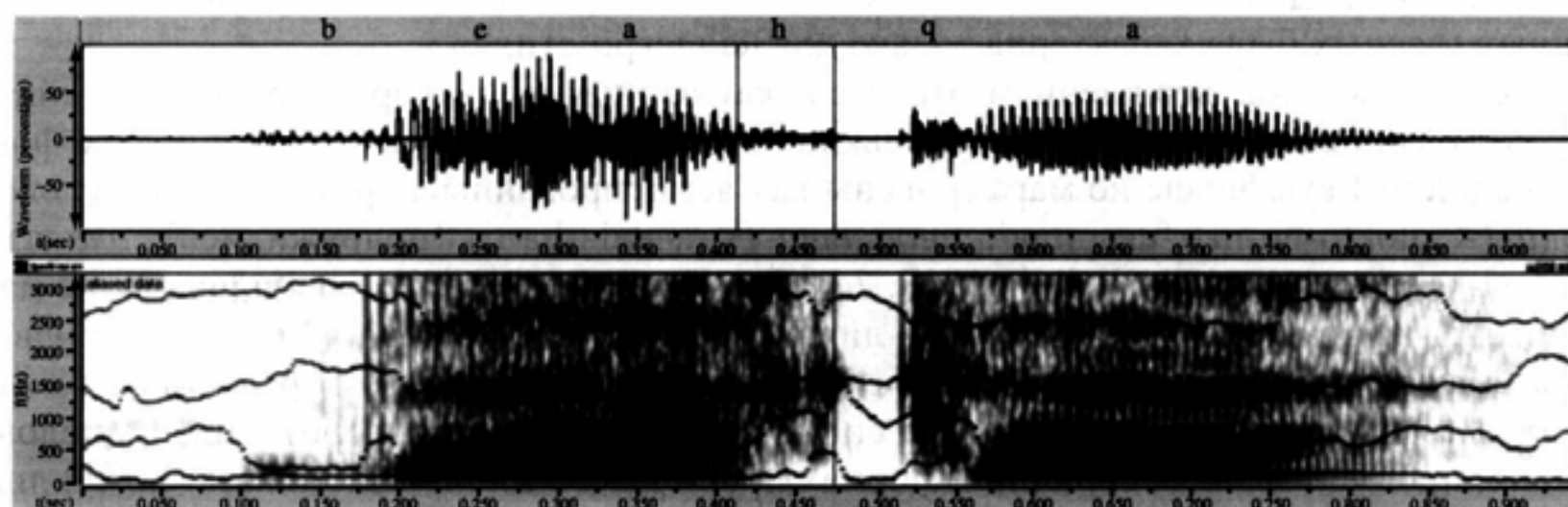
Таким образом, в хорском диалекте аспирированные гласные достигли реализации VV^h , следующей стадией оказывается утрата аспирированных – VV . Финальная стадия – утрата долготы и ее замена динамическим ударением. Но этот процесс происходит уже под влиянием русского языка и к самостоятельному развитию удэгейских диалектов прямого отношения не имеет.

В бикинском и иманском диалектах аспирированные гласные отсутствуют. В хорском диалекте падение аспирированных – явление недавнее; у тех носителей этого диалекта, которые хорошо помнят родной язык, аспирированные гласные сохранились. Однако в бикинском и иманском диалектах аспирированные отсутствуют уже в речи людей 1920–1930 гг. рождения, так что утрата гласных этого типа должна была иметь место, по крайней мере, сто лет назад. В речи большинства носителей бикинского диалекта этимологические аспирированные гласные заменились долгими, однако в некоторых поддиалектах имеет место тенденция к утрате этими гласными долготы, ср. сходное наблюдение у И. Николаевой [Nikolaeva 2000: 115–116].

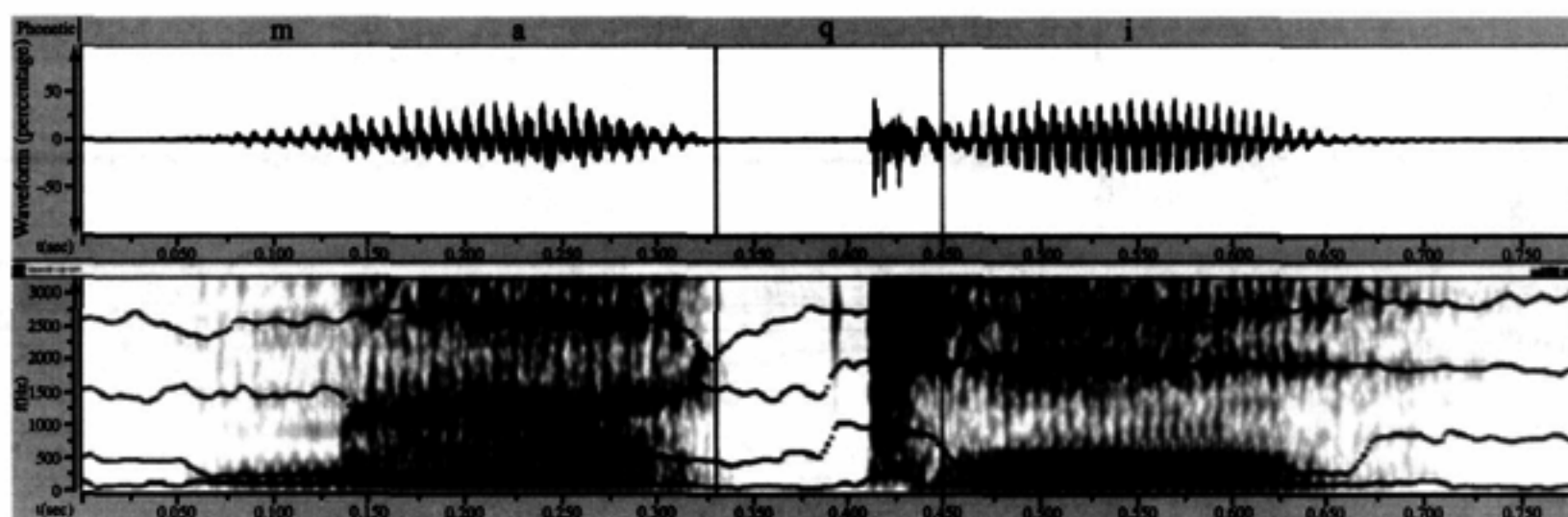
Мы видим, что во всех диалектах удэгейского языка появление, а затем постепенная утрата придыхательных гласных подчинены единой для всех диалектов тенденции – ослаблению согласного в интервокальной позиции с переходом сегментных признаков в супraseгментные.

Глоттализированные (прерывные) гласные

В орочском языке, судя по описанию Аврорина и Лебедевой, как и в коппинском диалекте, в позиции после /a/, /ä/, /o/ между одинаковыми гласными или перед /i/ заднеязычный /k/ реализовывался как увулярный [q]. Такую реализацию имеет данная фонема у диктора А.С. Иващенко (коппинский диалект). Следует отметить, что в более медленном варианте произнесения последовательности $V-q-V$ между гласным и увулярным q четко слышится придыхание [h]: [na^hqi] ‘собака’, [beä^hqa] ‘речка’, [aga^hqi] ‘водка’, [ga^hqi] ‘ворона’. Вариантом этого произнесения служит отрезок полного молчания перед [q], представляющий собой продленную смычку, – как, например, в слове [maa^hqi]. Здесь [ʔq] напоминает абруптивный звук. Ср. ниже осциллограммы слов [beä^hqa] (V) и [maa^hqi] (VI) в произнесении А.С. Иващенко (см. примеры V, VI).

V. Коппинский диалект, диктор А.С. Иващенко: [beä^hqa] ‘река’

VI. Коппинский диалект, диктор А.С. Иващенко: [maa_qi] 'нет, не имеется'

На осциллограмме слова [beä^hqa] после дифтонгоидного долгого гласного [eä] сначала следует придыхание (выделено курсорами), затем начинается смычка с сильным размыканием [q]. На осциллограмме слова [maa_qi] придыхания не видно, но зона молчания перед смычкой длится более 70 миллисекунд.

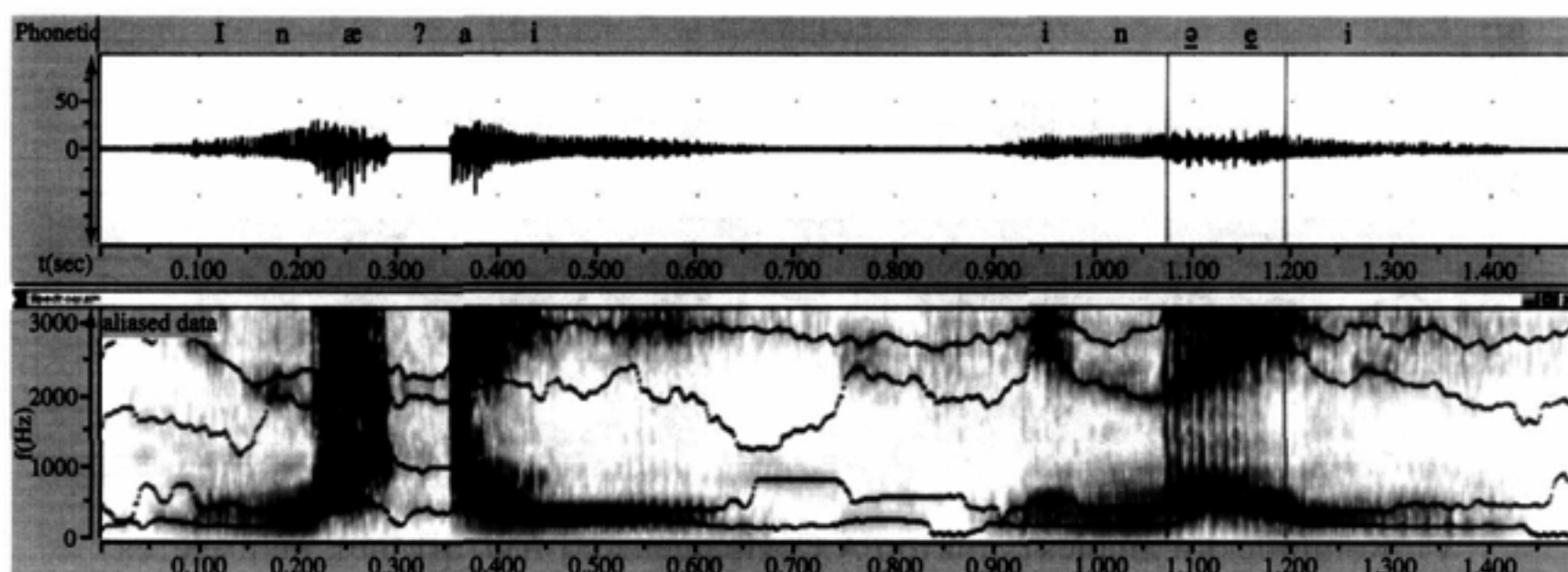
В других позициях произносится заднеязычный [k], ср.: [ukä^hə] 'дверь' (бик. *икә* 'дверь, дверной проем'). В речи данного диктора не засвидетельствовано случаев произношения [q] как [ʔ]. По-видимому, такой вариант произношения не характерен для ороцкого языка, в том числе и для коппинского диалекта. Как видим, здесь перед нами последовательность самостоятельных фонем, а не единый сложный звук.

При исследовании реализации глоттализированных гласных в удэгейских диалектах трудно использовать письменные источники. Если в случае с аспирированными гласными они давали достаточно надежную информацию, то глоттализированные гласные всеми исследователями обозначаются единообразно (знаком апострофа), хотя за этим написанием скрываются различные реализации данного типа гласных.

Хорский диалект. Е.Р. Шнейдер, описывая глоттализированные звуки хорского диалекта, говорил о «смычке», прерывающей звучание гласного, причем, как показали Зиндер и Матусевич, эта смычка произносится ближе к началу гласного. В других диалектах представлен иной тип произношения данных гласных, при котором гортанная смычка заменяется так называемой «скрипучей» фонацией²⁸. Здесь опять проявляется характерный для удэгейского языка «дрейф» в сторону неполной артикуляции согласных между гласными.

В хорском диалекте у диктора В.Т. Кялундзюги зарегистрированы оба варианта произношения. При этом произношение с гортанной смычкой является полным, а произношение со скрипучей фонацией характерно для «аллегро-стиля». Ср. два произнесения слова *in'ai* 'собака', которые были зафиксированы в ходе одного сеанса записи. В первом случае диктор прояснял слово, во втором случае произнес его в более «смазанном» виде. При этом темп речи остался практически прежним, но изменилась напряженность произнесения и тональный рисунок (см. пример VII).

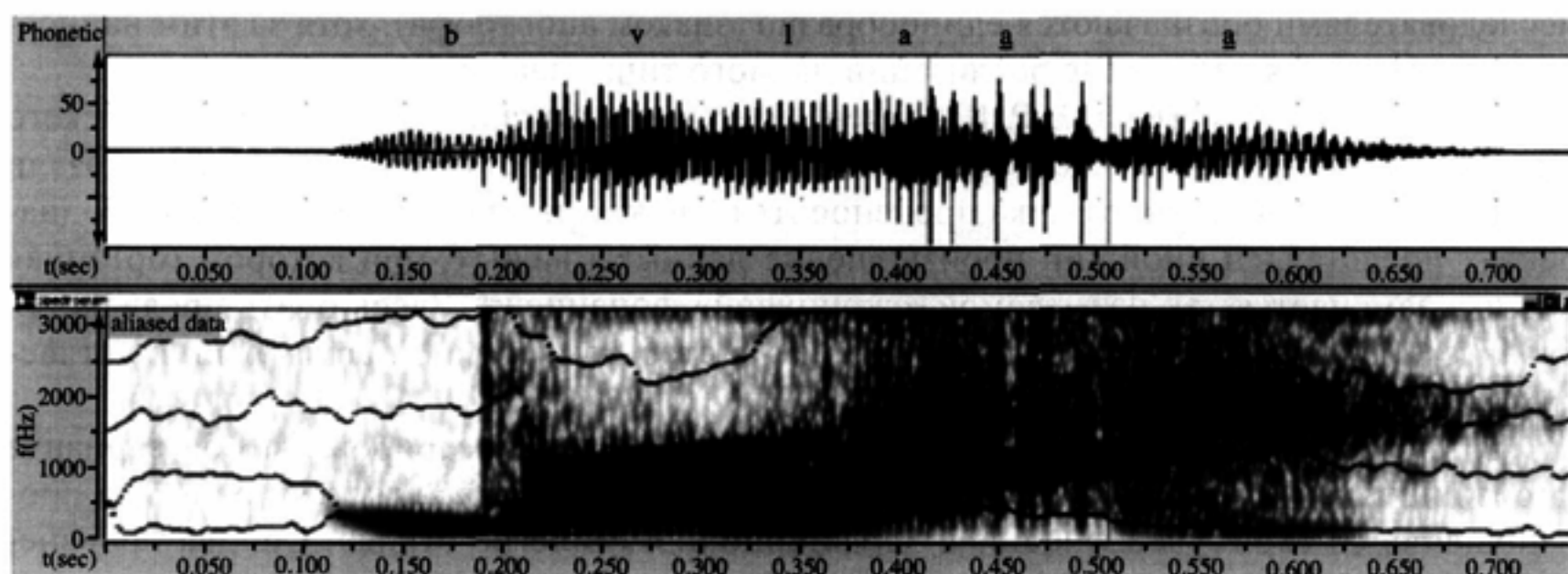
²⁸ Фонация такого типа описывается в лингвистической литературе следующим образом: «Этот тип можно рассматривать как функциональный эквивалент глоттальной разрывающей смычки или ее неполную реализацию, так как скрипучая фонация отличается от глоттальной смычки главным образом меньшей степенью смыкания голосовых связок» [Кривнова 2001: 2].

VII. Хорский диалект, диктор В.Т. Кялундзюга: [ɪnæʔai], [ɪnəei] 'собака'

На осциллограмме курсорами выделена зона скрипучей фонации при произнесении слова в «аллегро-стиле». Следует заметить, что при произнесении слова со смычкой [ʔ] часть гласного до смычки также произносится со скрипучей фонацией.

Наши наблюдения подтверждаются выводами, сделанными Л.Р. Зиндером и М.И. Матусевич. Действительно, зарегистрирован вариант произношения, когда смычка разрывает гласный. Однако наиболее частым вариантом произнесения «глоттализованного гласного» в хорском диалекте (полный стиль) является следующий: гласный разрывается не смычкой, а глоттальным аппроксимантом, ср. произнесение В.Т. Кялундзюгой слова *bul'a* 'яшень' (зона между курсорами – глоттальный аппроксимант). На осциллограмме четко видно различие между двумя типами произнесения скрипучей фонации – более консонантным (между курсорами) и более вокалическим (сегмент, следующий за курсорами) (см. пример VIII).

VIII. Хорский диалект, диктор В.Т. Кялундзюга: [bulaʔa] 'яшень'

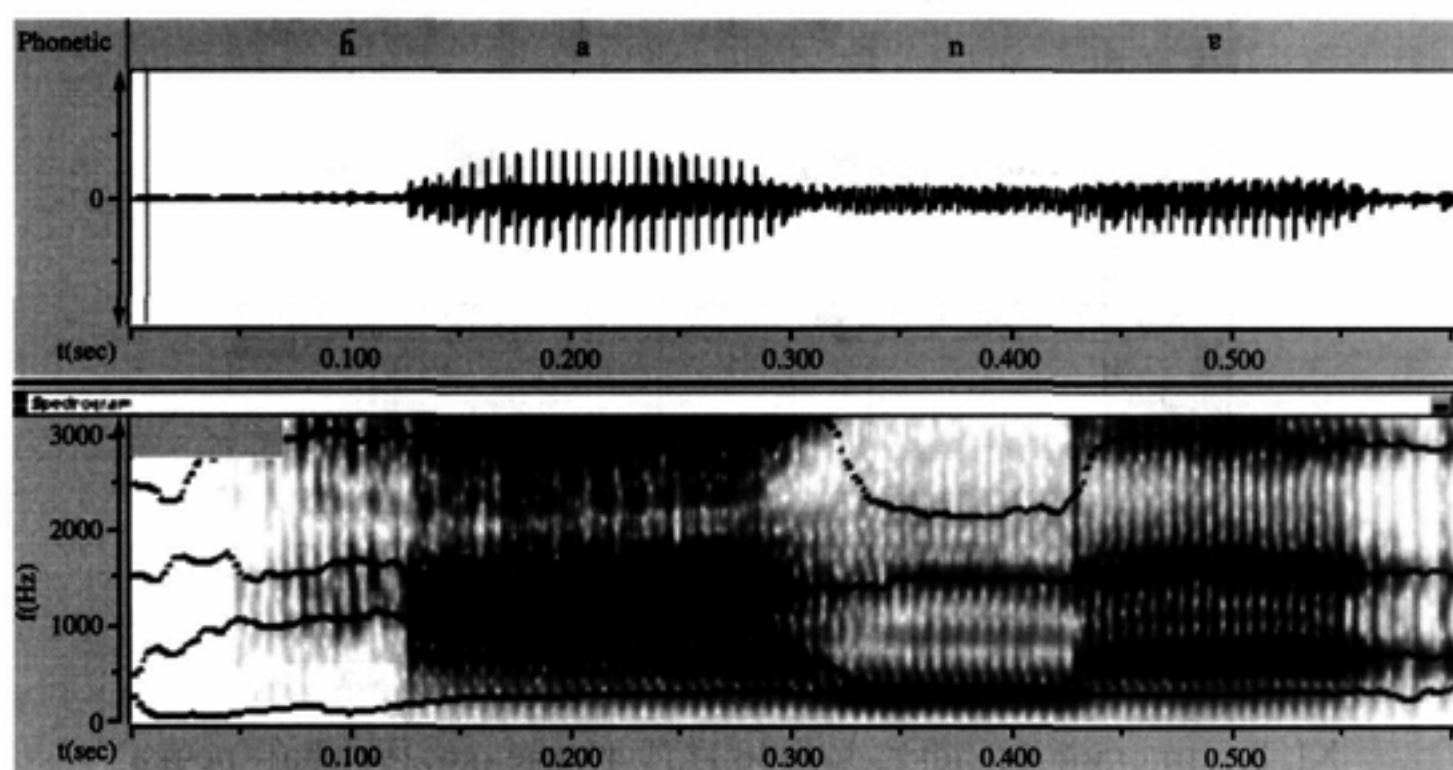
В хорском диалекте сосуществуют три типа произношения глоттализированных – со смычкой, с аппроксимантом и в виде фонации гласного. При этом у В.Т. Кялундзюги скрипучая фонация присуща не всему гласному, а лишь его части, которая, в общем, совпадает по месту со смычкой, если таковая произносится.

В диалектах южнее р. Хор реализация глоттализированных гласных с гортанной смычкой не встречается. Конкретные реализации зависят от типа произнесения, от положения гласного в слове и от особенностей говора конкретного диктора. Способ произнесения глоттализированных гласных является одной из черт, позволяющих разделить бикинский диалект на несколько говоров. По свидетельству А.А. Канчуга, речь удэгейцев из разных поселков, существовавших до сселения всех бикинских удэгей-

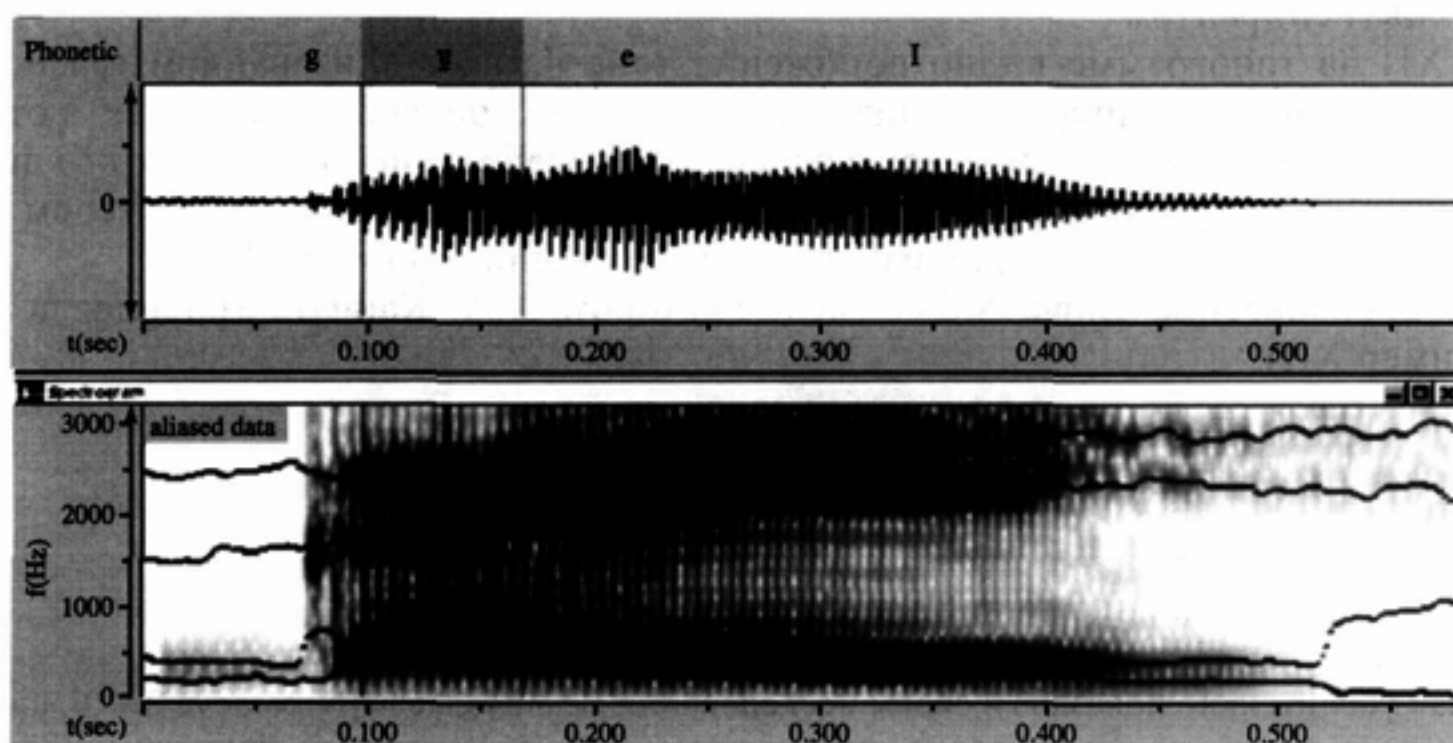
цев в пос. Красный Яр, до сих пор сохраняет определенные различия. К сожалению, в настоящее время провести подробное исследование этих говоров трудно ввиду плохой сохранности языка и малого количества говорящих. Однако А.А. Канчуга выделяет говоры Сяина, Олона, Улунги, Митахезы и других поселков или стойбищ. На основании тех данных, которыми я располагаю, можно сделать вывод о том, что в говорах, расположенных выше по течению р. Бикин, удэгейский вокализм был более консервативным, соответственно, самым инновационным он был в пос. Олон, расположенном ниже остальных.

Реализация глоттализированных гласных у бикинских удэгейцев может быть различной. Это а) гортанный спират; б) скрипучая фонация; в) резкое повышение интенсивности долгого гласного в сочетании с понижением тона. Последнее характерно в первую очередь для выходцев из пос. Олон.

Ср. следующие варианты реализации глоттализированных гласных: гортанный спират и скрипучая фонация (диктор Л.Б. Симанчук, родившаяся в Сигоу) (см. примеры IX, X).

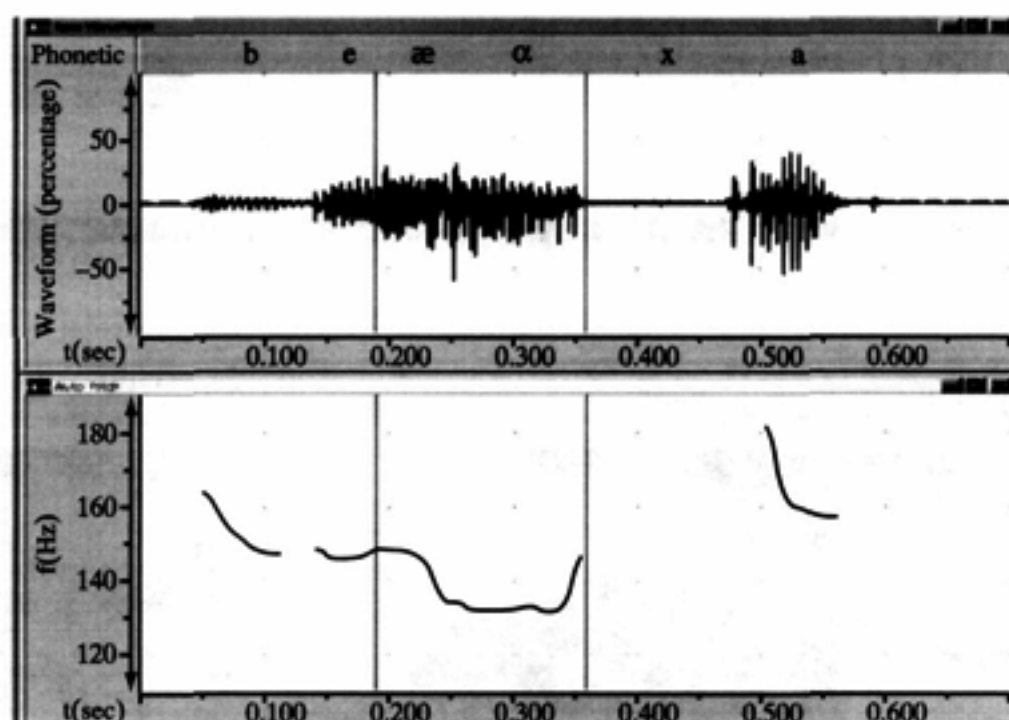
IX. Бикинский диалект, диктор Л.Б. Симанчук: /'ana/ 'лодка'

X. Бикинский диалект, диктор Л.Б. Симанчук: /g'ai/ 'ворона'

В (IX) глоттализированный гласный находится в анлауте и реализуется как гортанный спирант, который хорошо виден на спектрограмме. Сам гласный [a] характеризуется скрипучим призвуком и долготой. Второй гласный имеет более закрытую артикуляцию. В (X) глоттализированный гласный находится в начальной море в слове типа CV²⁹. Фонема /a/ имеет более закрытую артикуляцию по сравнению с предыдущим словом и характеризуется скрипучим призвуком.

Характерной чертой некоторых говоров бикинского диалекта является изменение положения глоттализированного элемента (или участка гласного с фонацией). Он может располагаться и в начале гласного (как в X), но может быть и сдвинут ближе к концу гласного (см. XI). Возможно, эти характеристики являются индивидуальной особенностью говорящего, а возможно, характеризуют его говор. В качестве примера фонации, распространенной на второй части гласного, приведу слово /b'easa/ 'речка, ручей' в произнесении Н.П. Кукченко (см. пример XI). Курсором отмечена зона гласного, носителя фонации.

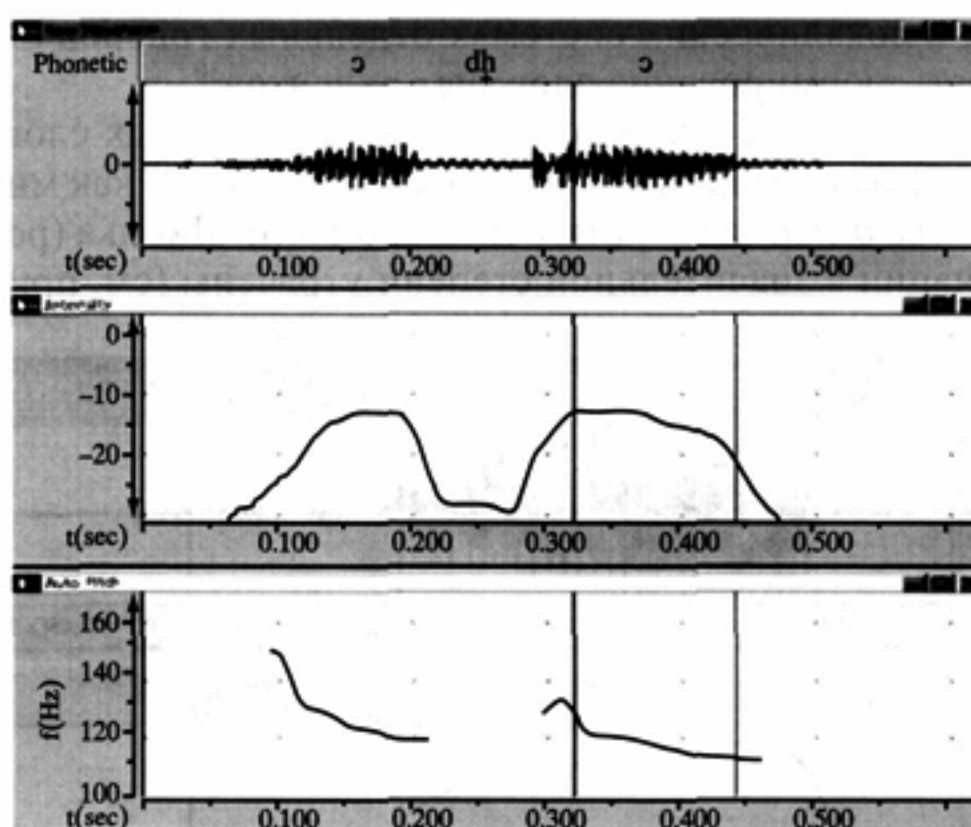
XI. Бикинский диалект, диктор Н.П. Кукченко: [beæha] 'речка'

Сказанное касалось полного стиля произношения данного типа гласных в говорах бикинского диалекта. В аллегро-стиле эти гласные никогда не произносятся в варианте с гортанным спирантом.

В (XI) на тонограмме видно понижение тона на глоттализированном гласном. Эту особенность произнесения глоттализированных гласных для хорского диалекта отмечала Г.Л. Радченко, проводившая экспериментальное исследование фонетики этого диалекта [Радченко 1988: 37]. Радченко связывала это явление с бемольным характером глоттализированных гласных (т. е. глоттализация дает тонопонижающий эффект).

Ср. произнесение слова /od'o/ 'дед' диктором А.А. Канчуга (родился в Сяине) (см. пример XII).

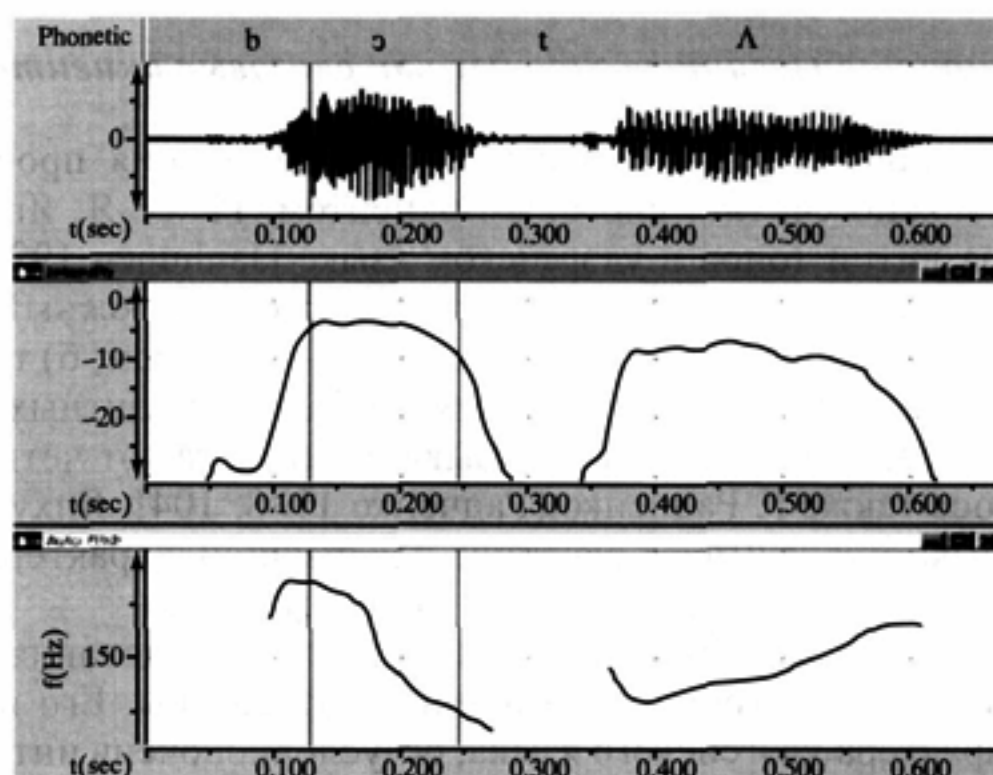
²⁹ Как убедительно показала в своем исследовании И. Николаева [Nikolaeva 2000], слова удэгейского языка имеют минимум две моры; сходные мысли относительно наличия в каждом слове удэгейского языка начального и конечного ритмического рисунка высказывал М.Д. Симонов [Симонов 1988]. Поэтому при анализе фонетических позиций в удэгейском слове имеет смысл оперировать не только понятием «слог», но и «мора».

XII. Бикийский диалект, диктор А.А. Канчуга: [ɔ̌dʰɔ̌] 'дед'

В (XII), который является примером полного стиля произношения, на осциллограмме курсорами выделен участок, где произносится гласный со скрипучей фонацией, ниже приведены кривые интенсивности и движения тона, показывающие, что глоттализированный гласный характеризуется пиком интенсивности и понижением тона.

В хорском диалекте понижение тона было нецентральной характеристикой глоттализированного гласного. В бикийском диалекте, в связи с утратой скрипучей фонации в аллегро-стиле, понижение тона, сопровождаемое значительным усилением интенсивности произнесения гласного, в некоторых идиолектах становится основной чертой реализации данного типа гласных. Их различительными признаками оказываются супrasegmentные признаки: понижение тона и резкое усиление интенсивности. Ср. произнесение слова /b'oto/ 'древесный гриб' тем же диктором (см. пример XIII).

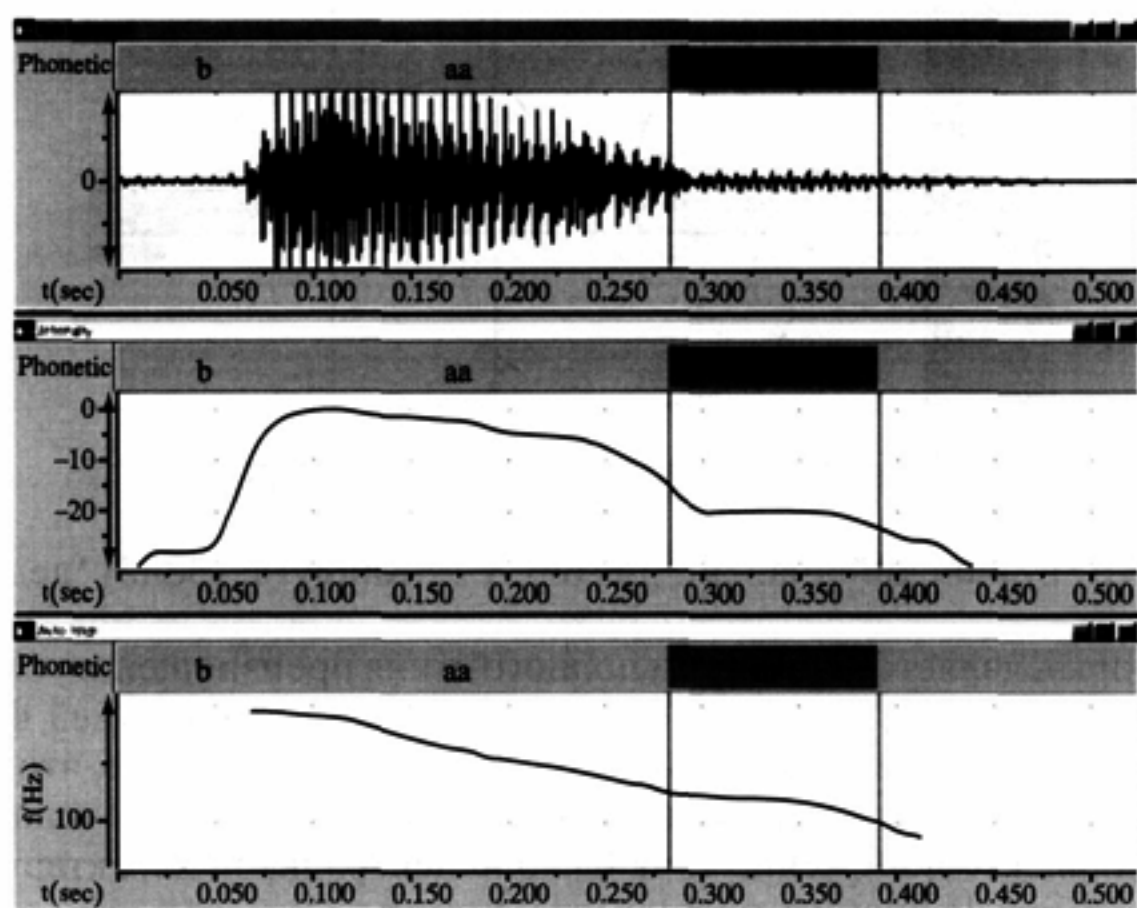
XIII. Бикийский диалект, диктор А.А. Канчуга: [bɔ̌tɔ̌] 'древесный гриб'

Примеры (XII) и (XIII) различаются движением тона (ɔ̌-ɔ̌) (ɔ̌-ɔ̌).

При этом повышение тона на второй мере в (XIII) является экспонентом (музыкального) ударения в удэгейском языке, которое зафиксировано еще Е.Р. Шнейдером [Шнейдер 1936: 92]. Об этом подробно см. в [Nikolaeva 2000: 134–137].

Таким образом, в вокалических системах отдельных говоров бикинского диалекта можно констатировать формирование слоговых акцентов³⁰.

Это легче всего наблюдать в двусложных и многосложных словах, в односложных словах они распределены по морам (слова удэгейского языка, как минимум, двуморны). Ср. произнесение слова *b'ami* 'я встретил' диктором А.Е. Пионка (родился в пос. Олон), в речи которого фонации в значительной степени утрачены (см. пример XIV).

XIV. Бикинский диалект, диктор А.Е. Пионка: [bààmʲ]

В (XIV) «глоттализированный» гласный реализуется путем резкого усиления интенсивности с одновременным понижением тона (см. тонограмму).

Глоттализированные гласные как слоговые акценты

Реализацию глоттализированных гласных путем изменения просодических характеристик гласного можно считать слоговым акцентом. Ранее Я. Янхунен высказывал предположение о развитии тонов в удэгейском языке [Janhunen 1998]. Его аргументацию можно свести к следующему: а) удэгейский язык, самый южный из языков тунгусской подгруппы, контактировал с тональным китайским языком; б) тоны в языках Азии возникают как «супрасегментная компенсация» утраты сегментных последовательностей; в) четыре типа гласных удэгейского языка соответствуют четырем тонам китайского, что отмечалось также Г. Радченко [Радченко 1988: 104]. Янхунен указывает, что тоны китайского языка также имеют сложную реализацию, характеризуются не только повышением тона, но также длительностью и типом фонации.

Следует заметить, что сам Янхунен не проводил исследования удэгейской фонетики, а опирался в своем построении на данные литературы. Его идеи относительно инновационного характера удэгейского языка, безусловно, очень интересны, однако его предположения о развитии тонов в удэгейском представляются не соответствующими реальности.

Первое. Даже в тех диалектах / идиолектах, где сегменты звучания полностью заменены супрасегментными характеристиками гласного, нельзя говорить о тонах в тер-

³⁰ «Слоговыми акцентами мы будем называть супрасегментные просодические различия, характерные только для одного слога в слове» [Кузьменко 1991: 8].

минологическом смысле этого слова. О системе тонов говорят, когда каждый слог слова характеризуется определенным тоном, контурным или уровневым. В данном случае этого не происходит. Удэгейский – типичный агглютинативный язык, слова которого представляют собой цепочки морфем, иногда довольно длинные. Особый супрасегментный характер присущ вовсе не каждому слогу слова. Скорее можно говорить об особых супрасегментных характеристиках слова в целом, если в нем имеется «глоттализированный» по происхождению гласный.

Второе. Янхунен объясняет развитие «тонов» влиянием китайского языка. Поскольку мы имеем дело не с тонами, а с особой просодией всего слова, это объяснение не кажется достаточно бесспорным. Стяжение цепочек V-s-V и V-q-V в единые гласные сложного образования характерно уже для коппинского диалекта орочского языка (в аллегро-стиле). В этом регионе китайское влияние вряд ли имело место.

Третье. Четыре типа гласных, соответствующие, по Янхунену, четырем тонам китайского языка, характерны только для анюйского и хорского диалектов. Однако эти диалекты в значительно меньшей степени подвергались китайскому влиянию, чем бикинский и иманский. Многие черты южной диалектной группы действительно можно объяснить интенсивными языковыми контактами прежде всего с китайским языком, подробнее об этом см. [Перехвальская 2007]. Однако в южной диалектной группе мы находим только три типа гласных, так как аспирированные гласные полностью утратили аспирированный характер и слились с чистыми долгими. Влияние китайского языка проявилось, как это характерно для ситуаций интенсивных языковых контактов, скорее в «упрощении» системы – выравнивании парадигм по аналогии и т. п. явлениях.

Тем не менее, особый характер удэгейского вокализма действительно трудно объяснить. Возвращаясь к теории «дрейфа», можно сказать, что в удэгейском языке, а также в пограничных с ним диалектах орочского языка действовал некий «постоянный фактор», который представлял собой какие-то особенности артикуляции и был не характерен для других тунгусо-маньчжурских языков³¹. Это можно утверждать с определенностью. Дальнейшие построения из области теории субстрата будут умозрительными и ненаучными.

Для хорско-анюйской диалектной группы можно постулировать наличие четырех типов гласных, для которых супрасегментные характеристики (долгота, интенсивность и тон) являются дополнительными. В бикинско-иманской диалектной группе супрасегментные характеристики глоттализированных выходят на первый план, и в некоторых говорах / идиолектах становятся единственными репрезентациями данного типа гласных.

В то же время для всех указанных диалектов характерна особая просодическая структура слова. Слово является двуморным, в нем выделяются начальный и конечный ритмические рисунки. Эта ситуация отмечалась исследователями удэгейского языка и раньше. О ритмических частях слова писал М.Д. Симонов, часто их описывали через понятие «ударения» (Е.Р. Шнейдер, О.П. Суник), отмечая, что в удэгейском слове имеется два ударения, одно из которых падает на начальный слог слова, а другое – на конечный слог. Наличие «глоттализированного гласного» меняет просодический рисунок слова в зависимости от того, в какой мере находится этот гласный – в инициальной или финальной. Таким образом, мы имеем дело с классическим случаем «слоговых акцентов» – в языке имеются разные типы ударения, как в современном литовском или во многих древних индоевропейских языках.

Дальнейшее исследование затруднено тем, что слоговые акценты в современных вариантах удэгейских диалектов утрачиваются из-за влияния русского языка³².

³¹ Для многих тунгусо-маньчжурских и, шире, алтайских языков также характерна реализация *k* как увулярного *q* в словах с открытыми («широкими») гласными; однако стяжение комплекса V-q-V в гласный сложного образования характерно лишь для удэгейского языка и приморского диалекта орочского.

³² Подробнее о влиянии русского языка на удэгейский см. в [Nikolaeva, Perekhvalskaya 2001].

Фонематическая трактовка аспирированных и прерывных гласных

Рассмотренные типы гласных представляют определенную сложность для интерпретации в первую очередь ввиду того, что невозможно установить инвариант их реализации. Фонологическая трактовка этих гласных возможна только в рамках системы конкретного диалекта / говора. Представляется, что споры относительно фонологической природы аспирированных и глоттализированных гласных вызваны не в последнюю очередь тем, на какой именно вариант удэгейского языка опирался тот или иной исследователь.

Существуют две основные точки зрения на фонологическую природу данных гласных: 1) это особые фонемы; 2) они не имеют самостоятельного фонологического статуса, а являются сочетанием гласных и согласных фонем.

Первая точка зрения была высказана Е.Р. Шнейдером (с опорой на исследование Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич), а затем поддержана М.Д. Симоновым, Г.Л. Радченко, И.А. Николаевой. Вторая точка зрения была сформулирована О.П. Суником, а затем в общих чертах поддержана И.В. Кормушиным.

Недостатки концепции Е.Р. Шнейдера известны, на них неоднократно указывали (см., например, [Симонов 1988: 50–53]). Так, все варианты гласных, в том числе позиционно обусловленные, объявлялись отдельными фонемами, каковыми считались также любые сочетания двух или трех гласных (дифтонги и трифтонги по Шнейдеру), которые также могли быть аспирированными и глоттализированными; выделялись также два типа «прерывно-аспирированных» гласных, сочетавших оба признака в разных комбинациях [Шнейдер 1936: 85–86]. По подсчетам О.П. Суника, таким образом в удэгейском языке выделялось более 70 различных гласных фонем [Суник 1968: 212].

Основным недостатком фонологического описания удэгейского вокализма у Е.Р. Шнейдера была излишняя генерализация выводов. Наблюдения, касающиеся определенной группы гласных, распространялись на все гласные, не учитывалось их позиционное распределение в слове. Так, каждому типу сложных гласных приписывалось наличие полной серии фонем, аналогичных долгим чистым: а, о, ц, э, і, е, еэ, уө, уі, іэ. Представлялось, что каждая гласная имела соответствия в системе аспирированных и прерывных (а также, по-видимому, и прерывно-аспирированных). Я не буду останавливаться на критике самого инвентаря гласных фонем (об этом см. [Симонов 1988]), важно, что все они, по Шнейдеру, имели соответствие в системе глоттализированных гласных. Исключение было сделано лишь для гласного уі – соответствующий глоттализированный отсутствовал. Как показал М.Д. Симонов, инвентарь «прерывных» в действительности значительно уже. Система глоттализированных насчитывает только четыре фонемы: /‘а/, /‘ä/, /‘о/, /‘э/³³ [Nikolaeva 2000: 118]. Наблюдения М.Д. Симонова и И.А. Николаевой подтверждаются нашими данными, полученными при изучении коппинского диалекта. Гортанная смычка могла заменить заднеязычный /k/ только через стадию увулярного /q/. Однако это происходит в коппинском диалекте только в совершенно определенных позициях: после /a/, /o/, /ä/.

О.П. Суник, считая преувеличенным число выделяемых Е.Р. Шнейдером гласных фонем, пошел по пути отрицания монофонемного характера аспирированных и глоттализированных гласных. Он предлагал рассматривать их как сочетания типа V-C-V, где согласный элемент, разрывающий два гласных звука (одинаковых или разных), являлся бы самостоятельной фонемой. В каком-то отношении этому способствовал сам Е.Р. Шнейдер, включивший гортанную смычку (‘), а также два ларингальных элемента аспирированных гласных (h и ħ) в список согласных звуков, указав, правда, что эти звуки не являются фонемами [Шнейдер 1936: 91].

³³ М.Д. Симонов относил /‘э/ к выделяемому им типу «квазифонем» (маргинальных фонем) на основании того, что она не встречается в первом слоге (сильная позиция, по Симонову). Однако противопоставление /э/ ~ /‘э/ является смыслоразличительным, так, например, различаются глагольные формы: основа презенса, выступающая с отрицательным глаголом, и форма прошедшего II (перфект): *ηəpə* ~ *ηəp’ə* ‘идти’.

Точку зрения О.П. Суника в целом разделяет И.В. Кормушин, который тщательно взвешивает аргументы «за» и «против» фонематической трактовки прерывных гласных и выдвигает аргументы против признания их самостоятельными фонемами. В противовес Кормушину, И. Николаева приводит соображения системного порядка, показывающие, что признание смычки отдельной согласной фонемой, как это делает Кормушин, нарушает базовые правила фонотактики, а также просодии удэгейского языка [Nikolaeva 2000: 120–121].

Как мне представляется, спор между сторонниками признания аспирированных и глоттализированных гласных самостоятельными фонемами либо сочетанием фонем вызван отчасти тем, что исследователи ориентировались на разные диалекты. Л.Р. Зиндер и М.И. Матусевич работали с носителями хорского диалекта, хорский диалект изучали Е.Р. Шнейдер и М.Д. Симонов. И.А. Николаева описывала бикинский диалект. И.В. Кормушин работал, по-видимому, с более северными диалектами, прежде всего самаргинским и коппинским. О.П. Суник также исследовал самые северные диалекты, к тому же он был специалистом в первую очередь по нанайскому и ульчскому языкам, хотя и родственными удэгейскому, но обладающими иными вокалическими системами³⁴.

Можно сделать следующий вывод. Для всех диалектов, относящихся к хорско-анюйской и бикинско-иманской диалектным группам, безусловно, следует говорить о существовании самостоятельных глоттализированных гласных фонем, а для хорско-анюйского следует постулировать существование также аспирированных гласных фонем. Для ороцкого языка (тумнинский и хадинский диалекты), а также для переходного коппинского диалекта нельзя постулировать наличие гласных фонем такого типа, соответствующие звуковые комплексы в этих идиомах следует считать сочетанием гласных и согласных фонем. К сожалению, хунгарийский диалект полностью утрачен, а самаргинский находится на грани исчезновения. Тем не менее, судя по имеющимся описаниям, представляется, что в самаргинском диалекте также имеет смысл выделять аспирированные и глоттализированные гласные в качестве самостоятельных фонем. В этом случае придется считать, что коппинский, несмотря на свой во многом переходный характер, по праву считается диалектом ороцкого языка, так как разделяет с ним эту важную черту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование удэгейских диалектов показывает, насколько условна грань между синхронным и диахронным описаниями языка. Синхронное описание и сравнение современных диалектов смыкается с изучением истории этих диалектов.

Изучение удэгейского диалектного континуума вскрывает внутренние механизмы языковых изменений. Становится очевидным, что во всех территориальных разновидностях удэгейского языка действовали сходные тенденции, однако в разных областях они проявились с разной силой. Интересно также внутреннее «устройство» диалектного континуума, когда аллегро-стиль (быстрое, небрежное произношение) одного диалекта соответствует полному стилю соседнего с ним диалекта, который вырабатывает новый аллегро-стиль, и так далее.

Легко видеть, что каждый диалект представляет собой самостоятельную систему, которая не сводима к системе другого диалекта. При этом взаимопонимание между носителями разных диалектов сохраняется и может быть достаточно легким.

Вследствие этих соображений становится ясно, что представление о единстве «языка» (понятие «такой-то язык») в условиях отсутствия кодификации часто вводит в заблуждение и оказывается причиной споров между лингвистами. «Единый язык» – это абстракция. В реальности существуют конкретные системы – идиолекты, которые мож-

³⁴ По-видимому, этим объясняется выделение им в удэгейском языке фонем /ʊ/ и /u/, /i/ и /y/, характерных для нанайского, но не отмеченных другими исследователями удэгейского языка.

но объединять в говоры, диалекты, наречия, языки, однако чем выше таксон, тем больше вероятность того, что будут объединены различные системы. Сказанное не касается только тех случаев, когда под «языком» понимается кодифицированная норма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврорин, Лебедева 1978 – В.И. Аврорин, Е.П. Лебедева. Орочские тексты и словарь. Л., 1978.
- Арсеньев 1947–1949 – В.К. Арсеньев. Сочинения. Т. V. Владивосток, 1947–1949.
- Арсеньев 1949а – В.К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня. Сквозь тайгу. М., 1949.
- Арсеньев 1949б – В.К. Арсеньев. По уссурийскому краю. Дерсу Узала. М., 1949.
- Беликов, Перехвальская 1994 – В.И. Беликов, Е.В. Перехвальская. Тазов язык // Красная книга народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.
- Браиловский 1901 – С.Н. Браиловский. Тазы или удихэ. Опыт историко-этнографического исследования // Живая старина. Вып. II–IV. 1901.
- Гаркавец 1999 – О. Гаркавец. Уруми Надазов'я: Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999.
- Зиндер 1948 – Л.Р. Зиндер. Экспериментальное изучение фонетики северных языков // ИАН ОЛЯ. 1948. Т. VII. Вып. 6.
- История и культура орочей 2001 – История и культура орочей. Историко-этнографические очерки. СПб., 2001.
- История и культура удэгейцев 1989 – История и культура удэгейцев. М., 1989.
- Кибрик 2001 – А.Е. Кибрик. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 2001.
- Кормушин 1998 – И.В. Кормушин. Удыхейский язык. М., 1998.
- Кривнова 2001 – О.Ф. Кривнова. Глоттализация на границах фонетических составляющих в женской речи (на русском материале) http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/2001/krivnova_glot.doc
- Кузьменко 1991 – Ю.К. Кузьменко. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.
- Ларькин 1959 – В.Г. Ларькин. Удэгейцы. Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 1959.
- Леонтович 1898 – С. Леонтович. Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. Народа, бассейна реки Тумнин, впадающей в Татарский пролив, севернее Императорской гавани. Владивосток, 1898.
- Маргаритов 1888 – В.П. Маргаритов. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.
- Муслимов 2009 – М.З. Муслимов. Диалекты ингерманландского финского // Доклад, сделанный на семинаре по изучению языка ингерманландских финнов 16 ноября 2009 г. СПб.
- Надаров 1887 – И.П. Надаров. Северно-уссурийский край (с картою) // Зап. Имп. РГО. 1887. Т. XVII. № 1.
- Перехвальская 2001 – Е. Perekhval'skaya. The Bikin-river Sprachbund // Sprache 23. Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft 28.02–02.03.2001. Leipzig, 2001.
- Перехвальская 2007 – Е.В. Перехвальская. Диалектные различия как результат языкового сдвига (бикинский диалект удэгейского языка) // Н.Б. Вахтин (отв. ред.). Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб., 2007.
- Перехвальская, Николаева, Тольская (ркуп.) – Е.В. Перехвальская, И.А. Николаева, М.В. Тольская. Словарь удэгейского языка (бикинский диалект).
- Пожарицкая 2005 – С.К. Пожарицкая. Русская диалектология. М., 2005.
- Пржевальский 1947 – Н.М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае 1868–1869 гг. М., 1947.
- Протодяконов 1888 – П. Протодяконов. Краткий русско-ороченский словарь. Казань, 1888.
- Радченко 1988 – Г.Л. Радченко. Спорные вопросы фонетики удэгейского языка // Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Новосибирск, 1988.
- Реформатский 1996 – А.А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1996.
- Сепир 1993 – Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Серебренников 1970 – Б.А. Серебренников. Общее языкознание. М., 1970.
- Симонов, Кялундзюга 1998 – М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга. Словарь удэгейского языка в 3-х томах. Стеншев, 1998.
- Симонов 1988 – М.Д. Симонов. Фонологическая система удэгейского языка // Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Новосибирск, 1988.

- Суляндзига и др. 2003 – Р.В. Суляндзига, Д.А. Кудряшова, П.В. Суляндзига. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Обзор современного положения. М., 2003.
- Суник 1968 – О.П. Суник. Удэгейский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968.
- Фольклор 1998 – Фольклор удэгейцев: ниманку, тэнуңгу, эхэ / Сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. Новосибирск, 1998.
- Хелимский 2007 – Е.А. Хелимский. Фонетика и морфонология энецкого языка в условиях языкового сдвига // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб., 2007.
- Шнейдер 1936 – Е.Р. Шнейдер. Краткий удэisko-русский словарь. М.; Л., 1936.
- Шнейдер 1937 – Е.Р. Шнейдер. Материалы по языку анюйских удэ // Научно-исследовательская ассоциация Ин-та Народов Севера им. И.Г. Смидовича. Вып. 11. М.; Л., 1937.
- Шренк 1883 – Л.И. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883.
- Шухардт 1950 – Г. Шухардт. О классификации диалектов // Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
- Janhunen 1998 – J. Janhunen. Tonogenesis in Northeast Asia (Udeghe as a tone language) // Paper presented at the workshop on the production and perception of tones, October 1st, University of Lund, 1998.
- Lass 1984 – R. Lass. Phonology. An introduction to basic concepts. Cambridge, 1984.
- Nikolaeva 2000 – I. Nikolaeva. The vocalic system of Udihe // Eurasian studies yearbook 72. 2000.
- Nikolaeva, Perekhval'skaya 2001 – I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya. Udihe under Russian influence: Effects of endangerment on language grammar // Presentation at the conference «Perspectives on Endangered languages». Helsinki, 2001.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 – I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A grammar of Udihe. Berlin; New York, 2001.
- Schmidt 1928 – P. Schmidt. The language of the Oroches // Acta Universitatis Latviensis. XVII. Riga, 1928.
- Trudgill 1983 – P. Trudgill. On dialect. Social and geographical perspective. Oxford, 1983.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААК – форма, записанная у Александра Александровича Канчуга
- Авр-Леб – форма из книги В.А. Аврорина и Е.П. Лебедевой
- АИ – форма, записанная у Анатолия Сафроновича Иващенко
- АП – форма, записанная у Александра Егоровича Пионка
- бик. – бикинский диалект
- ВТ – форма, записанная у Валентины Тунсяновны Кялундзюги
- копп. – коппинский диалект
- Корм – форма из словаря И.В. Кормушина
- ЛС – форма, записанная у Лидии Боучановны Симанчук
- нан. – нанайский язык
- НПК – форма, записанная у Надежды Павловны Кукченко
- ороч. – орочский язык
- Пер-Ник-Тол – форма из словаря Е.В. Перехвальской, И.А. Николаевой и М.В. Тольской
- Сим-Кял – форма из словаря М.Д. Симонова и В.Т. Кялундзюги
- смрг. – самаргинский диалект
- ульч. – ульчский язык
- хор. – хорский диалект
- Шн – форма из словаря Е.Р. Шнейдера
- эвенк. – эвенкийский язык